№ 345. Четвергъ, 25-го декабря 1886 г. (6 января 1887 г.). Четвергъ, 25-го декабря 1886 года (6 января 1887 г.). № 345.

ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ и КОММЕРЧЕСКАЯ.—ВЫХОДИТЪ ЕЖЕДНЕВНО, НЕ ИСКЛЮЧАЯ и ДНЕЙ ПОСЛѢ ПРАЗДНИКОВЪ.

Въ этомъ номерѣ восемь страницъ.

„ОДЕССКІЙ ЛИСТОКЪ"

ГАЗЕТА ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЛИТЕРАТУРНАЯ И КОММЕРЧЕСКАЯ

будетъ выходить въ 1887 году

ЕЖЕДНЕВНО, ВЪ КОЛИЧЕСТВѢ 350 №№ ВЪ ГОДЪ,

НЕ ИСКЛЮЧАЯ и ПОНЕДѢЛЬНИКОВЪ.

Какъ ни популяренъ, ни распространенъ «Одесскій Листокъ» (по степени распространенности онъ не имѣетъ соперниковъ во всей провинціальной Россіи), но въ интересахъ завоеванія еще большаго контингента читателей, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о нашемъ изданіи.

Форматъ «Одесскаго Листка» равенъ форматамъ самыхъ большихъ столичныхъ изданій. Газета печатается на спеціально пріобрѣтенной ротаціонной машинѣ, извѣстнаго фабриканта Маринони, посредствомъ стереотипа, на безконечной бумагѣ, въ часъ около 8000 экземпляровъ. Съ 6-го декабря текущаго года «Одесскій Листокъ» открылъ собственную типографію: обстоятельство, дающее газетѣ всѣ шансы на усовершенствованіе въ типографскомъ и вообще въ матеріальномъ отношеніи, что было затруднительно сдѣлать, печатаясь въ посторонней типографіи.

Что касается литературной стороны изданія, то въ этомъ отношеніи можемъ смѣло сказать, что лучшія силы Одессы и района находятъ у насъ помѣщеніе и выраженіе. Кромѣ того редакція относится съ особеннымъ вниманіемъ къ своевременному помѣщенію извѣстій, какъ мѣстнымъ, такъ и со всѣхъ концовъ міра.

Не смотря на большой форматъ нашего изданія и увеличеніе почтовыхъ расходовъ по пересылкѣ, мы не увеличиваемъ цѣны на наше изданіе, оставляя ее прежнею.

Условія подписки на газету въ 1887 году.	1 м. р. к.	2 м. р. к.	3 м. р. к.	4 м. р. к.	5 м. р. к.	6 м. р. к.	7 м. р.	8 м. р.	9 м. р.	10 м. р.	11 м. р. к.	12 м. р.
съ доставкою на д. въ Одессѣ...	1 20	2 40	3 50	4 50	5 —	6 —	7	8	8 50	9	9 50	10
Въ перес. по почтѣ иногородн. ..	1 30	2 50	3 75	5 —	6 —	7 —	8	9	10 —	11	11 50	12

ЗАГРАНИЦУ къ подписной иногородней платѣ прибавляется 60 коп. въ мѣсяцъ.

ЗА ПЕРЕМѢНУ городскаго адреса на иногородній доплачивается разница въ цѣнѣ городской подписки и иногородней. За перемѣну иногородняго адреса на иногородній уплачивается 20 копѣекъ.

Отдѣльные №№ „Одесскаго Листка" въ конторѣ и у разнощиковъ 5 к.

Главная контора „Одесскаго Листка" помѣщается на углу Дерибасовской и Ришельевской улицъ, въ домѣ Ралли.

„ПЧЕЛКА"

ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Журналъ литературно-художественный и юмористическій

СЪ КАРРИКАТУРАМИ

въ форматѣ большихъ иллюстрированныхъ журналовъ

будетъ выходить еженедѣльно—по воскресеньямъ

въ теченіи 1887 г. 50 №№ въ годъ

Пчелка златая,
Что ты жужжишь?
Все вкругъ летая,
Прочь не летишь.

Такъ спрашивалъ поэтъ пчелку, но она не хотѣла улетать и все вкругъ летала, жужжала, язвила... Такъ вотъ и одесская «Пчелка» будетъ и въ будущемъ году летать, жужжать, язвить, по прежней программѣ, въ тѣ-же сроки, съ той-же силой, что и прежде.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Для городскихъ подписчиковъ съ доставкою на домъ на годъ **5 р.**, на полъ-года **3 р.** Для иногородныхъ подписчиковъ съ пересылкою въ бандеролѣхъ на годъ **6 р.**, на полъ-года **3 р. 50** коп.

ВЪ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖѢ «ПЧЕЛКА»

въ городѣ 10 к. экз., для иногородныхъ 15 к. экз. Адресовать въ контору журнала «Пчелка», Уголъ Ришельевск. и Дерибас. ул., д. Ралли.

ВЪ КИШИНЕВѢ.

Въ конфектной и пряничной фабрикѣ Зимелева

(Николаевская улица, домъ Гера)

имѣется **громадный выборъ чайныхъ печеній и пряниковъ.** Изготовляются также **торты и пирамиды** со всевозможными украшеніями и изъ самаго лучшаго матеріала. Выборъ **конфектъ** громадный, начиная отъ обыкновенныхъ карамелей до глассированныхъ фруктъ и шеколадныхъ конфектъ. **Тягучки ежедневно свѣжія по 50 к. фунтъ** Цѣны на всѣ вообще произведенія фабрики **крайне понижены** и стоятъ **внѣ конкурренціи** съ другими кондитерскими. Къ праздникамъ заготовленъ громадный запасъ всего изъ самаго лучшаго и свѣжаго матеріала. Заказы иногородныхъ исполняются немедленно-же. 7457—9

!! УБѢДИТЕСЬ !!

ДЕШЕВАЯ ПРОДАЖА

ВЪ ГАЛАНТЕРЕЙНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

І. МАЛИСА.

1) Преображенская ул., д. Одесской гостинницы, противъ дома Папудовой.
2) Преображенская ул., домъ, бывшій Ладченко.

Вслѣдствіе прекращенія гуртовой торговли, магазины снабжены громадными запасами галантерейныхъ и мануфактурныхъ товаровъ, которые желаю уменьшить, поэтому назначилъ на всѣ товары крайне дешевыя цѣны безъ торгу. 7183—7

КИШИНЕВЪ.

ЗУБО-ВРАЧЕБНЫЙ КАБИНЕТЪ

зубныхъ врачей: Ребеки Александровны и Софіи Львовны

АЛЕКСАНДРОВИЧЕЙ.

Зубныя операціи, леченіе, пломбированіе, вставленіе искуственныхъ зубовъ, а также принимается починка всякаго рода искуственныхъ зубовъ. Пріемъ больныхъ отъ 9 час. утра до 5 часовъ вечера. Квартира по Харламніевской (Золотой) ул., д. Оргѣевскаго, рядомъ съ аптекой Перельмутера. Входъ съ Харламніевской ул. и Миковскаго пер. 6719—3

Въ новооткрытомъ магазинѣ дѣтскихъ игрушекъ

И. АРТЕМЬЕВА,

на углу Ришельевской и Дерибасовской, въ д. РАЛЛИ, рядомъ съ конторой «Од. Лист.»,

получеиъ большой выборъ дѣтскихъ игрушекъ и елочныхъ украшеній

Продажа производится по фабричнымъ цѣнамъ. 7223—11

НОВООТКРЫТОЕ ДЕПО

ФИНЛЯНДСКИХЪ ПОЛОТЕНЪ

И ЛЬНЯНЫХЪ ИЗДѢЛІЙ

ИЗЪ ФАБРИКИ

Таммерфорскаго льнянаго и мануфактурнаго акціонернаго общества.

(Дерибасовская, домъ Маврокордато).

Съ разрѣшенія дирекціи названнаго общества, имѣетъ честь увѣдомить, что вслѣдствіе значительнаго увеличенія фабрикой ея производства, вызваннаго громаднымъ спросомъ на ея фабрикаты не только въ Имперіи, но и заграницей,—является возможность пониженія цѣнъ на нѣкоторыя издѣлія Таммерфорской фабрики, а именно:

Цѣны полотенъ понижены съ 1 декабря отъ 5% до 15%.

И. Косацкій.

7086—9

ДО 31-го ДЕКАБРЯ СЕГО ГОДА

ВЪ МАГАЗИНѢ САЛОМОНА МАНГУБИ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ДЕШЕВАЯ ПРЕДПРАЗДНИЧНАЯ ПРОДАЖА. 7476—2

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ РАСПРОДАЖА

заграничныхъ товаровъ 7279—8

УГОЛЪ ДЕРИБАСОВСКОЙ УЛ. И КОЛОДЕЗНАГО ПЕР., Д. БИРЮКОВА.

БЕЗЪ ТОРГУ. Распродаются по самымъ низкимъ цѣнамъ настоящіе англійскіе, французскіе и вѣнскіе товары: готовое мужское платье, дамская и мужская обувь, бѣлье, косметич. товары, предметы изящества и пр.

ВЪ МАГАЗИНѢ И. С. МАНГУБИ.

На Дерибасовской ул., ряд. съ мануфактурнымъ магазиномъ

ПОЛУЧЕНЫ

СЕРЕБРЯНЫЯ, ЗОЛОТЫЯ и БРИЛЛІАНТОВЫЯ ВЕЩИ,

изящнаго вкуса и послѣднихъ фасоновъ въ красивыхъ футлярахъ, удобныя для

праздничныхъ подарковъ.

ТАМЪ ЖЕ ИМѢЮТСЯ

ПЕРСИДСКІЕ КОВРЫ, ОРЕНБУРГСКІЕ ПЛАТКИ

и кавказскія серебряныя издѣлія, всѣ въ отличномъ выборѣ и по умѣрен. цѣнамъ.

7394—4

ВЪ МАГАЗИНѢ Б. С. ШОЛЕ,

На Дерибасовской ул., въ д. Вагнера, противъ нотнаго магазина Цинати,

СПЕЦІАЛЬНО ДЛЯ ПРАЗДНИЧНЫХЪ ПОДАРКОВЪ

ТОЛЬКО ЧТО ПОЛУЧЕНЪ 7240—11

ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

БРИЛЛІАНТОВЫХЪ, ЗОЛОТЫХЪ и СЕРЕБРЯНЫХЪ ВЕЩЕЙ,

какъ-то: сервизы чайные, кофейные, столовые и десертные, блюды, корзины для хлѣба, кружки, подстаканники, портсигары и проч. **НОВѢЙШИХЪ ФАСОНОВЪ** и **НЕОБЫКНОВЕННО ИЗЯЩНОЙ РАБОТЫ.** Всѣ эти вещи пріобрѣтены лично владѣльцемъ магазина въ Петербургѣ, Москвѣ и за границей.

Григорій Александровичъ Глико, съ душевнымъ прискорбіемъ извѣщая о смерти отца своего

Александра Яковлевича Глико.

послѣдовавшей 24 декабря, проситъ родныхъ и знакомыхъ пожаловать на выносъ тѣла 26 декабря, въ 12 час. дня изъ собственнаго дома по Лютеранскому переулку въ Каѳедральный Соборъ, а оттуда на старое кладбище.

Донецкій каменно-угольный бассейнъ

отъ горнаго и промышленнаго общества на Югѣ Россіи.

Горное и промышленное общество на Югѣ Россіи доводитъ до свѣдѣнія гг. потребителей каменнаго угля г. Одессы, что оно принимаетъ заказы на поставку русскаго каменнаго угля изъ собственныхъ **Рутченковскихъ** рудниковъ для фабрикъ, заводовъ, паровыхъ мельницъ, пароходствъ, для кузницъ, механическихъ мастерскихъ и для отопленія общественныхъ, казенныхъ зданій и для домашняго отопленія. **Во время навигаціи** доставка каменнаго угля будетъ производиться **на паровыхъ судахъ** изъ Маріуполя и Александровска на Днѣпрѣ, а также во все время года по желѣзной дорогѣ. **Въ одесскомъ складѣ донецкаго каменнаго угля** общества производится розничная и оптовая продажа, отсюда также можно получить пробныя партіи. Съ заказами и за свѣдѣніями о цѣнахъ и условіяхъ поставки просятъ обращаться **въ г. Харьковъ** (Сумская улица, домъ Фесенко), на имя **«Горнаго и промышленнаго общества на Югѣ Россіи»**, а также въ Одессѣ, **въ складѣ донецкаго кам. угля того-же общества** (Приморская, № 17. Телефонъ № 472). 7235—3

Имѣю честь извѣстить почтеннѣйшую публику, что мною открытъ

БАКАЛЕЙНЫЙ и ВИННЫЙ МАГАЗИНЪ

на углу Преображенской и Полицейской ул., въ д. Одесской гостинницы. Магазинъ мой снабженъ большимъ выборомъ товаровъ самыхъ лучшихъ качествъ.

Надѣюсь, что моя 20-ти-лѣтняя практика въ магазинѣ Г. М. Крапивина дастъ мнѣ полную возможность удовлетворить всѣмъ требованіямъ гг. покупателей.

7332—4 Съ почтеніемъ Л. ВѢТКОВЪ.

БИБЛІОТЕКА Я. Н. КУШНАРЕВОЙ

6791—3 на Коблевской ул., въ д. Заля прот. цирка.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	въ 1 м.		въ 1/2 г.		въ 1 г.		Залогъ
1 книга или прошлогодній журналъ		50	2	40	3	60	2
1 книга или 1 новый журналъ		75	4		6		3
2 книги въ томъ числѣ 1 новый журналъ	1		5		8		4
3 книги въ томъ числѣ 1 новый журналъ	1	25	6		10		5
4 книги въ томъ числѣ 1 кн. нов. журнала	1	50	8		12		6
5 книгъ въ томъ числѣ 1 книга нов. журнала	1	75	9		15		8

РЯБЧИКИ, КУРОПАТКИ, ТЕТЕРЕВА,

КАПЛУНЫ и ПУЛЯРКИ

получены въ магазинахъ 7440—5

ДУБИНИНА

на Рыбной улицѣ и на Дерибасовской въ домѣ Роте.

ТЕЛЕФОНЫ ДУБИНИНА:

ГЛАВНЫЙ МАГАЗИНЪ (на Рыбной) контора—№ 453.

МАГАЗИНЪ и уДЕРИБАСОВСКОЙ ул., въ домѣ Роте, № 134. 7520—4

Магазинъ модныхъ и галантерейныхъ товаровъ

Д. КИТОВЕРА.

Дерибасовская улица, домъ Ралли.

Имѣетъ честь увѣдомить почтеннѣйшую публику, что съ 25-го ноября,

БОЛЬШАЯ

ВЫСТАВКА

рукавъ, воланъ, тюля, корсетъ, чулокъ, перчатокъ и проч. товаровъ, которые продаются

СЪ УСТУПКОЮ 6960—8

ОТЪ 30 ДО 50%.

По случаю праздника Рождества Христова слѣдующій №-ръ «Одесскаго Листка» выйдетъ въ воскресенье, 28 декабря.

НѢКТО,

собирающій матеріалы для характеристики одесской журналистики покорнѣйше проситъ г. **РЕВА (Илько)** отвѣтить на вопросъ: «правда-ли, что онъ, Илько, въ 1884 г. обратился къ г. Озмидову съ предложеніемъ сихъ услугъ?» Если публичный отвѣтъ на этотъ щекотливый вопросъ затруднитъ г. Илько, то онъ благоволитъ отвѣтить частнымъ письмомъ по слѣдующему адресу: г. N. N. въ кон. газ. «Од. Л.», comptoir restant.

ВИННАЯ ТОРГОВЛЯ

Ц. ГИНАНДА

БУДЕТЪ ОТКРЫТА на третій день праздника, въ субботу 27 декабря. отъ 12 до 3 часовъ *Дерибасовская ул., д. Пурица, уголъ Ришельевской.* 7543—1

СЕМЕЙНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Въ субботу, 3 января 1887 г.,

въ биржевой залѣ, въ пользу общества взаимнаго вспомоществованія прикащиковъ гор. Одессы, при двухъ хорахъ музыкъ театральной подъ управленіемъ Р. Ивана и военной. Начало въ 9 час. вечера. 7572—1

Правленіе одесс. акціонерн. общес. газоваго освѣщенія,

имѣетъ честь пригласить гг. акціонеровъ на **чрезвычайное общее собраніе**, имѣющее быть въ воскресенье 11 января 1887 г., въ 2 часа пополудни, **въ конторѣ газоваго общества**, (домъ Вагнера на Екатерининской ул. Порядокъ дѣлъ: Докладъ относительно электрическаго освѣщенія согласно постановленію общаго собранія отъ 31 августа 1886 г. 7573—1

БИРЖЕВОЙ ЗАЛЪ.

26-го декабря 1886 года (на 2-й день Рождества Христова)

ОДЕССКОЕ ОБЩЕСТВО ПОКРОВИТ. ЖИВОТНЫМЪ УСТРАИВАЕТЪ

МАСКЕРАДНЫЙ БАЛЪ

съ цѣлью увеличить фондъ на устройство лечебницы для животныхъ. Особенностью бала будетъ исполненіе характерныхъ танцевъ **корь-де-балетомъ г. Баланонс каго.** Цѣна за входъ: для мужчинъ 2 р., для дамъ 1 р., на ложы 50 к. 7458—1

ПРЕДЛАГАЮ

свои услуги при составленіи годичныхъ

балансовъ и отчетовъ.

Въ 3 урока выучиваю составлять таковые на русск. или нѣмецк. яз. Устраиваю книги. Максимъ Левинъ. Уг. Почтовой и Ришельевской д. Рамазини, кв. № 1. 7567—1

ЗЕМЛЕМѢРЪ принимаетъ межевую и чертежную работы. Ямская, д. Тиль, № 71, кв. 7-й. 7563—1

СПЕКТАКЛЬ

въ пользу католическаго благотворительнаго общества 2-го января 1887 года, въ новомъ театрѣ даны будутъ: 1) «Po sivbie», 2) «Na estradzie», 3) «Consilium Facultatis», послѣ спектакля

семейный вечеръ.

Билеты продаются въ кондитерской Г. Факкони и въ книжномъ магазинѣ Г. Корейво. 7571—1

Д-ръ Ю. А. ІОЕЛЬСОНЪ

спеціальное леченіе наружныхъ, венерич. и мочеполовыхъ болѣзней. Пріемъ отъ 9½ до 12 и отъ 4 до 7. Пушкинская уголъ Троицкой, д. Мѣрмарино 7570—1

Въ среду, 31 декабря 1886 г.

въ клубѣ „Бесѣда"

НАЗНАЧЕНЪ

семейный вечеръ

въ пользу инвалидовъ.

Гости по запискамъ гг. членовъ платятъ за входъ по 2 р. Записывать гостей можно только до 29 числа. Начало въ 9 ч. 7516—2

Докторъ І. Н. Вейнштейнъ

венерическія, мочеполовыя и накожныя болѣзни. Пріемъ отъ 3½ до 4 и отъ 4½ до 6½ ч. Преображенская, уголъ Херсонской, д. Гурьина. 6698—23

Докторъ С. Г. КЛЕЙНЪ

принимаетъ больныхъ по **горловымъ, ушнымъ и носовымъ болѣзнямъ** отъ 1—3 и отъ 5—6 часовъ вечера. Уголъ Ямской и Преображенск. ул., домъ Ковлера, № 106. 7003—4

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

С. ПЕРАЗИЧЪ

получаетъ въ большомъ количествѣ каменный русскій уголь изъ шахты

„ДАГМАРА",

каковой уголь качествомъ соотвѣтствуетъ англійскому углю. Продажа производится въ конторѣ С. Перазича, по Дерибасовской ул., въ д. Сенича. 7317—е

НА 2-е ПОЛУГОДІЕ

пріемъ **учениковъ и пансіонеровъ** въ одесское 8-ми классное училище магистра І. И. Гурланда производится ежедневно, кромѣ субботы. 7121—4

Д-ръ Л. Соловейчикъ

принимаетъ по **накожнымъ, венерическимъ и мочеполовымъ** болѣзнямъ—10—1 ч. дня и 4—7 ч. веч. Тираспольская, д. д-ра Мочутковскаго, № 10 кв. 4. 7481—5

УСТРИЦЫ

ПОЛУЧАЮТСЯ ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ

у ДУБИНИНА

Дерибасовская ул., д. Роте, 7483—8

АГЕНТЫ!

въ провинціи приглашаются для банкирскаго дома на выгодныхъ условіяхъ. Просятъ адресовать С.-Петербургъ, Невскій 51 Ефимову. 7530—3

Лучшіе фрукты

(погребъ МЕЙТУСА, Пале-Рояль, № 3). Бананы, ананасы, виноградъ въ бочонкахъ, кокосовые орѣхи, бомбы для елки, а также получаются свѣжія устрицы. 5207—18

10% УСТУПКИ

НА КНИГИ

въ роскошныхъ и изящныхъ переплетахъ, отъ 25 коп. до 4 руб., бумага и карточки для поздравленій; papeterie, рельефныя и др. картинки; конторскія и копировальныя книги и чернила. **Книжный и письмен. магазинъ И. Меергольда.** Почтовая д. 27. Иллюстрированные каталоги безплатно. 7555—3

ЖЕНЩИНА-ВРАЧЪ

ЧЕРВЕНЪ-ВОДАЛИ-НЕРОДА

уголъ Торговой и Софіевской ул., д. № 6, кв. № 10. Ходъ съ Торговой улицы. 6925—3

СПЕЦІАЛЬНОЕ ЛЕЧЕНІЕ

горловыхъ, ушныхъ и носовыхъ болѣзней

д-ра медицины ГУРОВИЧА

Пріемъ отъ 11 до 1 ч. и отъ 5—7 час. вечера. Ремесленная ул., д. соб., № 9. 3476

АПТЕКАРСКІЙ МАГАЗИНЪ

К. К. БОССЕ.

Смотри 8-ю страницу. 6987—4

ПІАНИСТКА ДЛЯ ТАНЦЕВЪ.

пріѣзжая изъ Петербурга, Екатерининская, д. греческаго училища, меблир. комн. 5. Видѣть послѣ 8 час. веч. 7465—4

14-го декабря, открыта

НОВАЯ ФОТОГРАФІЯ.

На Дерибасовской улицѣ, въ домѣ Хакаловскаго.

Принимаются всевозможные заказы по фотографіи. Снимки производятся во всякую погоду съ 9 ч. утра до 3 час. дня. Цѣны для учащихся уменьшены. Тамъ-же **ТРЕБУЕТСЯ РЕТУШЕРЪ.**

7016—7 С. А. ГОРЕЛЬНИКОВЪ.

ОКОРОКА

МѢСТНЫЕ, ЛИТОВСКІЕ и ЖИТОМІРСКІЕ

настоящій и заграничный

СЫРЪ ЧЕСТЕРЪ И ГОЛЛАНДСКІЙ

получены въ новооткрытомъ магазинѣ

ДУБИНИНА,

Дерибасовская ул., д. Роте, противъ д. Вагнера. 7439—5

ПО СЛУЧАЮ ПЕРЕМѢЩЕНІЯ МАГАЗИНА ОБУВИ

И. ДЕЛЬСИНО

7122—7

въ д. Мимки, на Преображенской ул., рядъ съ магазиномъ Скроцкаго,

я нахожу возможнымъ до **15-го января**

УМЕНЬШИТЬ ЦѢНЫ

НА ВСѢ ТОВАРЫ. ПРОДАЖА БЕЗЪ ТОРГУ.

ДЕНЬГИ ПОДЪ ЗАЛОГЪ ВЕЩЕЙ

ВСЯКАГО РОДА ВЫДАЕТЪ

ОДЕССКІЙ ЧАСТНЫЙ ЛОМБАРДЪ

на углу Полицейской и Польской. въ д. Спкарда, съ 9½ до 4 ч. дня, кромѣ праздниковъ.

ТАМЪ-ЖЕ ПРИНИМАЮТСЯ 7386—5

вещи на храненіе.

Въ книжныхъ магазинахъ М. О. Шаха

въ Кишиневѣ, Херсонѣ и Николаевѣ принимается подписка на всѣ журналы и газеты на 1887 г. по редакціоннымъ цѣнамъ. За пересылку денегъ по почтѣ расходъ не взимается. 6993—7

Рукодѣльня центральнаго комитета общества поданія помощи бѣднымъ г. Одессы

принимаетъ заказы по шитью бѣлья и платья, вязанью и вышиванью какъ отъ учрежденій, такъ и отъ частныхъ лицъ, по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ.

Рукодѣльня помѣщается на Ольгіевской ул., д. Штехера, № 21. Открыта ежедневно отъ 8 час. утра до 4 пополудни.

7153 *Заведующая рукодѣльней* Н. Бобохова.

ФРАКИ НА ПРОКАТЪ

У ПОРТНОГО ЛЕВИНА.

Пале-Рояль и Ланжероновская улица. 4735—2

Очень дешево продается большой выборъ

С.-ПЕТЕРБУРГСКИХЪ КОРСЕТОВЪ.

Цѣны 1 р. 75 к., 2 р. 50 к., 3 р., 3 р. 50 к., 4 и 5 р. За прочность ручаются.

Магазинъ Гальперина, Екатерининская, д. Вагнера. Тамъ-же распродаются корсеты прежнихъ полученій на 50% дешевле. 6593—12

РОЖДЕСТВЕНСКІЕ РАЗСКАЗЫ

Святочная фантазія.

Елка удалась на славу, горѣла тысячами огней, пылала взору самый роскошный, фантастическій видъ. Сіяющія лица дѣтей, говоръ, шумъ, веселье, раздача подарковъ, бряцанье ножей и вилокъ, прыганье, игры, костюмированіе—все это сливалось въ нѣчто сказочно-хаотическое. Все было исполнено юности, свѣжести, энергіи беззаботности, молодой удали—и только мы, старики, ходили среди этого веселья точно какіе-то тѣни, точно совсѣмъ ненужные, лишніе люди. По крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось,—казалось, что мы своимъ присутствіемъ лишь стѣсняли дѣтей, почему я и старался держаться поодаль. Я уходилъ изъ ярко освѣщенной залы въ смежную гостинную, освѣщенную голубымъ матомъ, располагался въ старинновски-сибаритской позѣ въ креслахъ и подъ этотъ говоръ и шумъ предавался мечтательнымъ настроеніямъ, вспоминая собою тургеневскаго Лаврецкаго, когда онъ въ концѣ романа подъѣзжаетъ въ тотъ самый домъ, въ тотъ самый садъ, гдѣ передъ нимъ воскресли самыя дорогія, самыя лучшія, самыя чистыя воспоминанія. Вотъ тотъ же садъ, таже скамейка, таже липа надъ нею... И онъ удрученный палицемъ дорогаго прошлаго приелъ на эту скамью, теперь одинокую, осиротѣлую скамью, на которой въ ту памятную ночь блеснуло для него столько радостныхъ надеждъ. И онъ погрузился весь въ сладостную и въ то же время горестную истому воспоминаній. А издали неслись звуки мелодій расцвѣтающей жизни. Въ этомъ домѣ уже жили новые люди, и вотъ въ эту минуту молодежь находилась въ саду и предавалась шумному веселью. До Лаврецкаго изъ близь лежащихъ аллей долетѣлъ веселый говоръ, шумъ...

— Ростите, живите, молодые люди, думалъ онъ — живите, наслаждайтесь, вамъ принадлежитъ будущее, а мы уже старики, наша пѣсенка спѣта...

То же думалъ и я въ этотъ вечеръ, сидѣвшись въ гостинную, куда врывался этотъ дѣтскій шумъ, доносилось это волненье:—давно ли и я былъ также молодъ, исполненъ жизни, надеждъ, всевозможныхъ иллюзій—и вотъ теперь тоже уже догорающій старикъ, теперь уже «истрепанная, изможденная декорація, которую, въ жизненной суетолокѣ, забыли своевременно убрать и забросить ее на чердакъ *).

Подъ наплывомъ этихъ мыслей я все болѣе и болѣе сталъ погружаться въ мечтанія.

Вечеръ уже приходилъ къ концу. Роскошная елка догорала и являла взору самый жалкій видъ. Даже темное небо, еще часъ назадъ торжествующее и сіяющее милліонами звѣздъ, о чемъ-то шептавшихъ и дразнившихъ воображеніе, казалось погруженнымъ въ дрему. Дѣтскій шумливый говоръ сталъ затихать, «сочельникъ», очевидно, уже приходилъ къ концу, гости начинали разъѣзжаться, забирая съ собою дѣтей, нагруженныхъ подарками и куклами... Наконецъ, все стихло, розовая лампа въ гостинной совсѣмъ догорѣла и померкла и я остался одинъ, изображая имъ какую-то ненужную «декорацію» на этомъ дѣтскомъ праздникѣ, которую «забыли своевременно убрать» изъ гостинной. Такъ или иначе, но я остался, забытый всѣми, одинъ въ гостинной. Въ домѣ все стихло, успокоилось, разошлось на отдыхъ... Я сидѣлъ въ креслахъ, подъ роскошною пальмою и дремалъ, полуоткрытыми глазами смотря на звѣздное небо, съ котораго лился какой-то мягкій, теплый, трепещущій, убаюкивающій свѣтъ. Какая глубокая тайна—это звѣздное небо! Какой глубокій смыслъ въ этой сегодняшней ночи, въ этихъ тысячелѣтнихъ воспоминаніяхъ о рожденіи Того, Кто принесъ намъ слова о мирѣ, слова утѣшенія всѣмъ труждающимся и обремененнымъ! А вспомнилъ ли сегодня кто либо хотя бы въ этомъ обществѣ, гдѣ я провелъ канунъ этого великаго юбилея, о самомъ существѣ этого праздника? Здѣсь, въ этихъ «чертогахъ убранныхъ богато», были богачи, негоціанты, администраторы, профессора, были *отцы*, были *дѣти*, здѣсь горѣла блестящая елка, раздавались дорогіе подарки, было «веселье хохотъ», «звонъ лютней и кимваловъ грохотъ», здѣсь, «тѣснясь за трапезой великой», гостей былъ «шумный хоръ», и шелъ «сливаясь съ музыкой ихъ перекрестный разговоръ». И никому даже на мысль не всплало собрать этихъ дѣтей и разсказать имъ, объяснить имъ, во имя Кого, во имя чего они всѣ тутъ собрались, никому и на мысль не всплало разсказать дѣтямъ, что въ эту ночь родился Тотъ, Кто училъ добру, правдѣ, миру, любви къ ближнему, братству, всепрощенію...

Любовью къ ближнимъ пламенѣя,
Народы братству онъ училъ,
Онъ всѣ законы Моисея
Любви закону подчинилъ.

Никому и на мысль не всплало заронить хоть въ эту ночь въ дѣтей сѣмя любви и братства... Забрали дѣтей, разсадили ихъ въ кареты, развезли по домамъ и забыли даже сказать имъ, чтобы они въ эту ночь помолились... Нѣтъ, наши дѣти молятся, они молятся каждую ночь. Я помню; я каждую ночь произносилъ молитвы, отходя ко сну, и всегда обязательно, послѣ «Святый боже, святый крѣпкій», послѣ «Отче нашъ» и «Пресвятая Богородица», произносилъ: «Господи, помилуй папашу, мамашу, бабушку, братьевъ, сестрицъ»... И подъ братьями я разумѣлъ только Митю, Андрюшу... И только позднѣе изъ хорошихъ книгъ, я узналъ, что братья не только Митя и Андрюша, только позднѣе я узналъ, какъ надо молиться, и узналъ, что надо молиться не только за Митю и Андрюшу,—да и зачѣмъ собственно за нихъ молиться? Они такіе-же, какъ и я, сытые, обутые—а молиться за тѣхъ братьевъ.

Кто все терпитъ во имя Христа,
Чьи не плачутъ суровыя очи,
Чьи не роптутъ нѣмыя уста,
Чьи работаютъ грубыя руки,
Предоставивъ почтительно намъ
Погружаться въ искусства, въ науки,
Предаваться мечтамъ и страстямъ,
Кто бредетъ по житейской дорогѣ
Въ безразсвѣтной, глубокой ночи,
Безъ понятья о правѣ, о Богѣ,
Какъ въ подземной тюрьмѣ безъ свѣчи.

Отчего, въ самомъ дѣлѣ, мы не сложимъ такой молитвы? «Господи помилуй папашу, мамашу, бабушку, братьевъ, сестеръ и въ особенности тѣхъ братьевъ и сестрицъ, чьи работаютъ грубыя руки, предоставивъ почтительно намъ погружаться въ искусства, въ науки»... и т. д.

И лежа въ креслахъ, и мечтая на этотъ мотивъ я сталъ благодушно засыпать. И снилось мнѣ...

Я видѣлъ сонъ—не все въ немъ было сномъ!

Я перенесся «въ глубину Россіи», туда, гдѣ

. . . Вѣковая тишина,
Лишь вѣтеръ не даетъ покою
Вершинамъ придорожныхъ ивъ,
И выгибаются дугою
Колосья безконечныхъ нивъ,
Цалуясь съ матерью землею...

И снилась мнѣ обширная равнина, занесенная сугробами снѣга, среди котораго виднѣлись какія-то черныя точки... Эти деревушки, объятыя «въ сверкающій серебрянно-матовый иней», но все-же убогія, печальныя, заброшенныя... Онѣ тоже сегодня встрѣчали этотъ праздникъ, встрѣчали рожденіе Того, Кто имъ принесъ великое утѣшеніе, сказавъ: «придите ко мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные»... И вспомнились во снѣ прекрасныя слова, еще недавно прочитанныя мною и вышедшія изъ глубины души одного русскаго писателя. Слова эти есть перифразъ этого великаго евангельскаго афоризма:

— «Миръ вамъ, труждающіеся и обремененные; вы чистыми сердцами безъавѣтно увѣровали въ Меня, потому только, что проповѣдь Моя заключаетъ въ себѣ правду, безъ которой вселенная представляетъ собой вмѣстилище погубленія и адъ кромѣшный. Люби Бога и люби ближняго какъ самого себя—вотъ эта правда, во всей ея ясности и простотѣ, и она наиболѣе доступна не богословамъ и начетчикамъ, а именно вамъ, простымъ и удрученнымъ сердцамъ. Вы вѣрите въ эту правду и ждете ея пришествія. Лѣтомъ, подъ лучами знойнаго солнца, за сохою, вы служите ей; зимой, длинными вечерами, при свѣтѣ дымящейся лучины, за скуднымъ ужиномъ, вы учите ей дѣтей вашихъ. Какъ ни кратка она сама по себѣ, но для васъ въ ней замыкается весь смыслъ жизни и никогда не изсякающій источникъ новыхъ и новыхъ собесѣдованій. Съ этой правдой вы встаете утромъ, съ нею ложитесь на сонъ грядущій и ее-же приносите на алтарь мой въ видѣ слезъ и воздыханій, которыя слаще аромата кадильнаго растворяютъ сердце Мое. Знайте-же: пробѣетъ желанный часъ и для васъ, и явится свѣтъ. Подтверждаю вамъ это, благословляю на новую жизнь въ царствѣ свѣта, добра и правды. Да не уклонится сердца ваши въ слепеса лукавствія, да пребудутъ они чисты и просты, какъ до сихъ, а слово Мое да будетъ истина. Миръ вамъ!».

И слова эти раздавались въ моихъ ушахъ все громче и громче... Да и не мудрено. Надъ снѣжной равниной, въ гулкомъ морозномъ воздухѣ, слова эти слышались такъ ясно, отчетливо.

Не вѣтеръ бушуетъ надъ боромъ,
Не съ горъ набѣжали ручьи,
Морозъ воевода дозоромъ
Обходитъ владѣнья свои.

«Тепло-ли тебѣ, моя ты милушка?» съ высокой сосны онъ кричитъ. «Тепло!» отвѣчаетъ ему деревушка, «а сама холодѣетъ, дрожитъ...» А дѣдушка-морозко качаетъ головой и сыпетъ, сыпетъ снѣгомъ, заноситъ лѣса, поляны, равнины, деревни, безтрепетно, недвижимо стоящіи

Подъ холодомъ зимнихъ небесъ.

И я самъ точно сталъ замерзать... Сонъ мой сталъ еще крѣпче, все кругомъ бѣло, серебристо, снѣга, снѣга, снѣга... Просто духъ захватывало... И вдругъ, откуда не возьмись, я увидѣлъ пушкинскую Татьяну, увидѣлъ ее бѣгущею по снѣгу... И мой сонъ слился вполнѣ со сномъ Татьяны. Вы помните этотъ ея сонъ?

И снится чудный сонъ Татьянѣ,
Ей снится будто-бы она
Бѣжитъ по снѣговой поляѣ.

Бѣжитъ, бѣжитъ, куда, зачѣмъ—неизвѣстно... Но вотъ вдругъ она — а вмѣстѣ съ нею и я —

. . . . . .
. . . . . Она въ сѣняхъ;
За дверью крикъ и звонъ стакана,
Какъ на большихъ похоронахъ;
Не видя тутъ ни капли толку,
Глядитъ она тихонько въ щелку,
И что же? видитъ... за столомъ
Сидятъ чудовища кругомъ:
Одинъ въ рогахъ съ собачьей мордой,
Другой съ пѣтушьей головой,
Здѣсь вѣдьма съ козьей бородой,
Тутъ остовъ чопорный и гордый,
Тамъ карла съ хвостикомъ, а вотъ
Полу-журавль и полу-котъ.

—

Еще страшнѣй, еще чуднѣе:
Вотъ ракъ верхомъ на щукѣ,
Вотъ чиженъ на гусиной шеѣ
Вертится въ красномъ колпакѣ,
Вотъ мельница въ присядку пляшетъ
И крыльями трещитъ и мащетъ,
Лай, хохотъ, пѣнье, свистъ и хрипъ...

Кто-же были эти чудовища? Что это была за трапеза. Здѣсь тоже производился сочельникъ. Тутъ были и банкиры, и желѣзнодорожники, и заводчики и фабриканты, и ростовщики, и міроѣды, и домовладѣльцы, и тати, и душегубы, и хапжи, и стяжатели—и все это точно въ такомъ видѣ, какъ во снѣ Татьяны.

Вино струится, шумъ и хохотъ,
Звонъ лютней и кимваловъ грохотъ.

Но вдругъ среди этого веселья послышалось пѣнье хора, какъ въ «Фаустѣ» за кулисами.

Родился Предвѣчный,
Родился Всевышній,
Родился Великій...

Среди этой публики вдругъ произошло какъ-бы нѣкоторое смущеніе, но тутъ-же поднялся нѣкто «въ рогахъ съ собачьей мордой» и произнесъ:

Мы не страшимся ничего!
Закладъ со мной держать хотите-ль?
Пускай представитъ сей учитель!

Этотъ вызовъ былъ повтореніемъ вызова, сдѣланнаго извѣстной «Грѣшницѣ» А. Толстого. И какъ у Толстого, такъ и здѣсь вдругъ явился Онъ, какъ отлученная идея въ заревѣ свѣта. Но если Онъ повергъ даже «грѣшницу» къ своимъ стопамъ, то здѣсь Онъ ничего не могъ сдѣлать. Когда Онъ остановилъ свой взоръ на ней

Внезапно стала ей понятной
Неправда жизни святотатной,
Вся ложь ея порочныхъ дѣлъ—
И ужасъ ею овладѣлъ.

. . . . . .
. . . . . .

И въ первый разъ, гнушаясь зла,
Она въ томъ взорѣ благодатномъ
И кару злымъ своимъ развратнымъ
И милосердіе прочла;
И чуя новое начало,
Еще страшась земныхъ препонъ,
Она, колебляся, стояла...

И вдругъ въ тиши раздался звонъ
Изъ рукъ упавшаго фіала,
Стѣсненной груди слышенъ стонъ,
Бѣднѣетъ грѣшница младая,
Дрожатъ открытыя уста—
И пала ницъ она, рыдая,
Передъ святынею Христа.

Но тутъ никто не палъ, никто не зарыдалъ, не сокрушался... Всѣ эти тати, душегубы, эксплоататоры взглянули на Него спокойно, равнодушно... Мною овладѣлъ въ эту минуту пронизающій холодъ и я въ ужасѣ проснулся.

Городъ уже былъ весь въ движеніи, слышался грохотъ экипажей во всѣхъ направленіяхъ, въ домѣ раздавались звонки, гостинная стала наполняться визитерами...

— А вы тутъ какъ очутились? удивилась хозяйка.

— Да такъ просто, какъ ненужная «декорація», которую вы забыли «своевременно убрать».

Баронъ Иксъ.

*) Положимъ, это отзывъ Фильки обо мнѣ и о въ утѣшеніе себѣ могъ сказать mal grand maitre devant son valet, но, можетъ быть, Филька и правъ.

КОВАРСТВО и ЛЮБОВЬ.

(Фантазія послѣ кутьи).

I.
ИНТРОДУКЦІЯ
или
порося съ чернымъ ухомъ.

Отецъ Вонифатій стоялъ посреди двора Антона Небарыся, а повозка его, уже порядочно нагруженная такъ называемымъ, «чѣмъ Богъ послалъ», т. е. булками, перепичками, яйцами, колбасами, саломъ и даже живыми гусями и утками, разумѣется, со связанными ногами и подрѣзанными крыльями,—мирно дожидалась за воротами. От. Вонифатій былъ въ епитрахили и съ крестомъ въ рукахъ. Сѣдоватые, жиденькіе волосы онъ собралъ въ косичку, которая печально трепалась у него на затылкѣ. Онъ ужасно спѣшилъ, обходя «послѣдній рядъ», который оставилъ на закуску, если, конечно, будетъ позволено такъ выразиться. Самъ Антонъ Небарысь—мужикъ, проживший уже на свѣтѣ цѣлыхъ пять десятковъ—положилъ въ повозку хлѣбъ, колбасу, два куска сала, живаго индюка, словомъ, не только то, что полагается, но даже и сверхъ положенія; и казалось-бы, батюшкѣ, который, какъ намъ уже извѣстно, спѣшилъ, оставалось поблагословить хозяевъ и идти дальше; но батюшка стоялъ и глядѣлъ на городъ. Ужъ это было не даромъ, что-нибудь тамъ онъ видѣлъ, на что-то мѣтилъ. Поповскіе глаза никогда даромъ не смотрятъ.

И дѣйствительно, это было не даромъ, потому что на городѣ какъ разъ въ это время съ неподражаемымъ достоинствомъ прогуливалась свинья съ семью поросятами. Тутъ возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ могло случиться, что въ декабрѣ, когда, какъ это извѣстно всѣмъ, поросята превращаются уже въ порядочныхъ «пидсвинковъ», небарысева-же свинья ходила еще съ поросятами. Слѣдуетъ признать, что вопросъ этотъ, дѣйствительно, каверзный. Но дѣло объясняется очень просто. Среди свиней, какъ и среди людей, бываютъ натуры исключительныя, къ такимъ именно принадлежала «движимость» Антона Небарыся. Это и было единственной причиной того, что у нея явилось потомство въ неурочное для свиней время года.

— Удивительно! сказалъ о. Вонифатій,— 58 лѣтъ живу на свѣтѣ, а, ей-Богу, первый разъ вижу, чтобы въ декабрѣ были поросята. И какіе еще поросята! Особенно вонъ тотъ, съ чернымъ ухомъ!

— Н-да, это, дѣйствительно... на рѣдкость!... согласился Небарысь и тотчасъ-же обратился къ бравому парню, стоявшему тутъ-же: эй, Сидорко, прогони ее подальше, чего она тутъ шляется!... Тутъ батюшка, а она вдругъ...

Сидорко двинулся было исполнить приказаніе батька, но о. Вонифатій остановилъ его: нѣтъ, зачѣмъ-же! это ничего. Пускай себѣ ходитъ во славу Божію... Всякое дыханіе да хвалитъ... А, ей-Богу, славные поросята!... А какъ ты думаешь, Антонъ,—попу одного не грѣхъ-бы отдать...

Гм... Оно, конечно, кому-же, какъ не батюшкѣ, лучше знать, что грѣхъ, а что не грѣхъ?! Да въ сущности уже въ тотъ моментъ, когда батюшка впервые устремилъ свой взоръ на городъ, Антонъ почувствовалъ какъ-бы нѣкоторую убыль въ хозяйствѣ, почувствовалъ, что однимъ поросенкомъ у него становится меньше.

— Для чего грѣхъ!... Сидорко! Возьми мѣшекъ, да поймай одного для батюшки!...

Сидорко опять двинулся, но о. Вонифатій и на этотъ разъ остановилъ его: Только ты, Сидорушко, того... съ чернымъ ухомъ, знаешь!?...

— Да онъ, батюшка, съ изъяномъ... у него, знаете, заднія ноги перебиты.

— Э, ничего, что перебиты... Черное ухо мнѣ больно понравилось...

— Ну, какъ знаете... Поймай, Сидорко, съ чернымъ ухомъ!...

Сидорко пошелъ на городъ! «Ну, и поповскіе очи! Не надуешь ихъ! Вѣдь, за полъ-версты видитъ, что черное ухо лучше всѣхъ»! Онъ взялъ мѣшокъ и принялся ловить поросенка, и Господи, какъ вдругъ невыразимо жаль ему стало чернаго уха! Да и было чего жалѣть! Среди своихъ братьевъ оно казалось великаномъ и расхаживало между ними, какъ настоящій герой. Сидорко оглянулся и увидѣлъ, что о. Вонифатій уже ушелъ со двора и двинулся къ сосѣду, а у воротъ, въ ожиданіи, стояла только его повозка, на которой, поверхъ всего «дохода», возсѣдалъ юный пономарь. «Ну, нѣтъ, черное ухо я тебѣ не отдамъ, о. Вонифатій»! сказалъ себѣ Сидорко и тутъ-же поймалъ самого захудалаго поросенка, всадилъ его въ мѣшекъ, плотно стянулъ ремнемъ веревочной и, не смотря на отчаянные протесты узника, стащилъ его на повозку.

— Черное ухо? спросилъ пономарь, принимая плѣнника.

— А то какое-же? спросилъ, въ свою очередь, Сидорко: по—о! прибавилъ онъ, обращаясь къ поповской лошади, и повозка двинулась. Въ то время, какъ онъ провожалъ глазами повозку, передъ нимъ остановилась небольшая человѣческая фигура въ яркой ситцевой юбкѣ, въ яркомъ-же платкѣ, который закутывалъ не только голову, но и половину лица. Тѣмъ не менѣе онъ узналъ ее.

— Горпына! Сердце мое! радостно крикнулъ онъ.

— Тю—у!... Вотъ еще глотка у тебя! На минуту урвалась... Послѣ кутьи гдѣ будешь?

— Гдѣ ты велишь, моя пташка, тамъ и буду!...

— За греблей, около старой вербы!... Да смотри не надуй!...

— За греблей, около старой вербы! повторилъ Сидорко въ то время, какъ Горпыны уже и слѣдъ простылъ: а, ей-Богу-же, чудесная дѣвка, моя Горпына! Эхъ, что за дѣвка!

И это было рѣшено, что послѣ кутьи, значитъ, когда уже хорошенько стемнѣетъ, онъ отправится за греблю.

II.
ФУГА
или
состязаніе между пирогами съ разной начинкой.

Самые обыкновенные сумерки превращаются въ непроницаемую тьму, когда человѣкъ въ достаточной мѣрѣ, т. е. въ той именно мѣрѣ, какая полагается добропорядочному христіанину и подлинному хохлу, поѣстъ кутьи, взвару, капустняка, пироговъ съ капустой, пироговъ съ рыбой, пироговъ съ рисомъ, пироговъ съ грибами, пироговъ съ чечевицей и еще пироговъ со всѣмъ тѣмъ, чего нельзя и предвидѣть,—что превратитъ въ начинку, неугомонная фантазія хохлушки,—а потомъ еще просто рыбы—соленой, вареной, жаренной—просто чечевицы, просто... да мало-ли, мало-ли чего... Однимъ словомъ, Сидорко въ компаніи съ прочими членами своей семьи добросовѣстно продѣлалъ всю эту процедуру и когда пришлось встать изъ-за стола, почувствовалъ, что «кутья»—не свой братъ! Тутъ только онъ понялъ, что дѣйствовалъ немножко неосторожно, такъ какъ тяжесть, которую носили его ноги, вдругъ увеличилась, но крайней мѣрѣ, въ пять разъ, и сдѣлалась ему непосильной. Сидорко былъ въ большомъ затрудненіи, такъ какъ ему предстояло еще идти за греблю.

Впрочемъ, это ничего. Это такъ только въ началѣ тяжело, а потомъ пройдетъ, стоитъ только полежать съ полчаса. И онъ осмотрѣлъ хату, выискивая глазами свободное мѣстечко. Батько съ мамкой лежали на широкой кровати: мамка носомъ къ стѣнкѣ, а батько—къ окну. Оба они спали уже съ одинаковымъ усердіемъ, разница была та, что у мамки носъ свистѣлъ, а у батька бренчалъ въ родѣ балалайки. Сестра Приська залѣзла на печку, а подростокъ — братишка устроился подъ столомъ. Лавка была свободна и онъ растянулся на лавкѣ, положивъ подъ голову вмѣсто подушки пару своихъ рукъ. —«Я только полежу чуточку, оно и пройдетъ!» думалъ онъ. Но странныя мысли полѣзли ему въ голову. Казалось-бы, ему слѣдовало думать о предстоящемъ свиданіи съ Горпыной около старой вербы, а между тѣмъ передъ нимъ, какъ живой, рисовался тотъ самый захудалый поросенокъ, котораго онъ всадилъ попу въ мѣшекъ, и странное дѣло! Поросенокъ былъ захудалый, а ухо у него было черное. Чудеса!... Но это еще не все. На заднемъ планѣ стояла повозка о. Вонифатія, на ней, поверхъ цѣлой кучи колбасъ, сала и разнаго рода хлѣба, сидѣлъ о. Вонифатій и... что уже было совсѣмъ странно—изъ бездоннаго кармана его кафтана выглядывало черное поросячье ухо. Сидоркѣ вдругъ сдѣлалось стыдно, да, именно—стыдно. Онъ почувствовалъ себя до такой степени виноватымъ, что сталъ на колѣни передъ повозкой и началъ бить поклоны. Тутъ онъ открылъ глаза. —«Э, да я, кажется, вздремнулъ! Ну, ничего, подремлю еще съ минутку и пойду за греблю!» А пироги внутри его такъ и прыгали—это онъ ясно чувствовалъ, но тутъ ничего не было удивительнаго: вѣдь пироги все были разные, съ разными начинками, понятное дѣло—они перессорились и передрались между собой.

Онъ опять закрылъ глаза и опять вздремнулъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ онъ сказалъ, такъ и вышло. Продремавъ съ минутку, онъ всталъ, потянулся, отыскалъ въ потьмахъ шапку и вышелъ изъ хаты.

Удивительная ночь! Вся земля покрылась серебрянымъ снѣжнымъ ковромъ. Морозъ такой крѣпкій, что становится жарко, въ самомъ дѣлѣ жарко, потому что щеки и руки, и ноги, и голову — точно давитъ въ тискахъ и огнемъ жжетъ. Мѣсяцъ—круглый, полный, щекастый, упитанный и такой веселый и довольный, точно и онъ тоже наѣлся кутьи, взвару и прочаго по положенію. Звѣзды — ну, ужъ звѣздъ такое множество, какого еще никогда не было. Подлинно, ихъ, должно быть, милліонъ, если не больше. И какія звѣзды! Да полно, звѣзды-ли это? Онѣ горятъ разноцвѣтными огоньками и при этомъ какъ-то вспыхиваютъ, точно это костры изъ сухаго хвороста. Вонъ блеснулъ синій огонекъ, а вотъ яркокрасный, а тамъ желтый... Ставокъ блеститъ, какъ зеркало, а по его поверхности сотни парней въ новыхъ полушубкахъ «скользаются» и гикаютъ такъ, что слышно, должно быть, на сосѣднемъ хуторѣ. Ну, да пусть ихъ себѣ скользаются, ему не до того; тамъ, за греблей, Горпына, можетъ, уже ругается, дожидаючись. И онъ пошелъ къ греблѣ. Вотъ она уже передъ нимъ, —узкая, длинная, извилистая. По обѣ стороны—глубокія канавы, изъ нихъ торчатъ толстыя, старинныя вербы, стволы которыхъ подымаются ввысь и тамъ раскидываютъ свои длинныя вѣтви, а вѣтви переплетаются между собой и дѣлаютъ густую, непроницаемую крышу. Подъ этой крышей—тьма, не видно ничего ни вверхъ, ни въ даль, ни по сторонамъ. Сидорко остановился въ недоумѣніи. Какъ быть? Чего добраго глазъ выколешь, наткнувшись на сухую вѣтку, а то и въ канаву угодишь. Экая досада, что не догадался онъ дома цыгарку закурить. Вотъ бы она и освѣщала ему путь. Однако, идти все-таки надо, Горпына ждетъ, а ежели не дождется, что-же тогда будетъ; Онъ вступилъ въ греблю. Ба! Да тутъ кто-то есть. Ну, слава Богу. Тамъ впереди цѣлая компанія идетъ, пѣсни поютъ и цыгарки курятъ. Нечего, значитъ, бояться. Это, должно быть, парубки собрались «щедровать»!

— Добрый вечеръ! Съ кутьей васъ! кричитъ имъ Сидорко.

— Го-го-го-го-го-го-о! слышится ему въ отвѣтъ.

Что за оказія! Пьяны они, что-ли? А, такъ это вѣрно, щедрованіе уже кончилось они изрядно пощедровались, и теперь у нихъ головы кругомъ пошли. Ну, что-жъ, народъ все свой, ничего тутъ нѣтъ опаснаго. Онъ идетъ дальше. Вдругъ у него промежду ногъ прошмыгнуло что-то—не то кошка, не то собака, не то пѣтухъ; за нимъ другое, третье, цѣлая стая. Онъ наклоняется, чтобъ схватить, и схватываетъ обѣими руками. Что-то жесткое, упругое треплется въ его рукахъ, вступаетъ съ нимъ въ борьбу, кусаетъ его за пальцы. «Стой, братъ, стой! Неуйдешь»! говоритъ Сидорко:—я знаю тебя; ты... ты черное ухо»! Господи! онъ даже самъ испугался своихъ словъ. Почему онъ это сказалъ? Откуда ему это пришло въ голову? Между тѣмъ, онъ былъ увѣренъ, что это было именно такъ, да этого мало: онъ ясно ощущалъ въ своей рукѣ ничто иное, какъ поросячье ухо. Ужасъ охватилъ его въ тотъ моментъ, когда онъ это почувствовалъ. Кругомъ странная темнота и вдругъ въ рукѣ у него поросячье ухо! Да гдѣ-же парни? Куда они дѣвались? Э, да это не парни. Это какіе-то дьяволята съ конскими копытами, съ хвостиками, съ рожками; а цыгарки... да никакихъ цыгарокъ у нихъ вовсе нѣтъ; а у каждаго изъ нихъ по одному глазищу во лбу и глазища эти горятъ, какъ уголья... Вотъ они обступили его, и стало вдругъ свѣтло, какъ на пожарѣ. И видитъ онъ... То, что держалъ онъ изо-всей силы въ рукахъ, было вовсе не поросячье ухо, а пономарь, тотъ самый пономарь, который сидѣлъ тогда на повозкѣ. И смотритъ онъ на него точь-въ-точь тѣмъ взглядомъ, какъ тогда, когда спросилъ его: «черное ухо»? Только вотъ разница: уже не онъ держитъ пономаря, а пономарь схватилъ его, Сидорку, за шиворотъ и, что есть мочи, треплетъ въ воздухѣ. А дьяволята пляшутъ вокругъ и гогокаютъ. «Силы небесныя! Силы небесныя!» хочетъ крикнуть Сидорко и подымаетъ руку, чтобы перекреститься, но голосу у него не оказывается, а рука не подымается. Но, должно быть, отъ одной этой мысли дьяволята вдругъ куда-то исчезли, а сквозь вѣтви вербы выглянулъ мѣсяцъ и освѣтилъ его и сидѣвшаго передъ нимъ на повозкѣ поверхъ кучи сала и колбасъ захудалаго поросенка. «Такъ это ты?» радостно промолвилъ Сидорко, узнавъ своего собственнаго поросенка.— Кому-ты, а тебѣ—дяденька! сердито и вмѣстѣ ядовито отвѣчаетъ поросенокъ.— «Что-о? Да это-жъ ты, наше порося»!— Кому порося, а тебѣ Иванъ Парамонычъ? «Иванъ Парамонычъ? Такъ, вѣдь, Иванъ Парамонычъ-же пономарь! а ты»...

— А я чѣмъ не пономарь? Смотри!

И Сидорко увидѣлъ, что передъ нимъ былъ дѣйствительно пономарь, только... Вотъ чудеса! Какъ будто пономарь, а между тѣмъ словно-бы и ворона. Сидитъ пономарь на суку и каркаетъ по вороньи. —Ага! говоритъ,—попался! И не стыдно тебѣ такъ безсовѣстно надувать!? Мнѣ, духовнику своему, вмѣсто чернаго уха всучилъ чертъ знаетъ что такое! Ахъ, ты окаянный, окаянный»!—Не тебѣ, а батюшкѣ, о. Вонифатію! поправляетъ его Сидорко. «А я что-жъ такое? Развѣ я не батюшка»? Тогда Сидорко опускаетъ руки и обезсиленный садится на землю. Нѣтъ, это свыше силъ его. Когда-же это кончится? Неуспѣетъ онъ заговорить съ поросячьимъ ухомъ, какъ это уже не поросячье ухо, а пономарь, чуть скажетъ слово пономарю, какъ на мѣстѣ пономаря сидитъ уже ворона, заговоритъ съ вороной, анъ это не ворона, а о. Вонифатій... «Ой, не буду, не буду! Возьмите поросенка съ чернымъ ухомъ, возьмите всѣхъ поросятъ, свинью тащите себѣ, только отпустите мою душу, дайте вздохнуть!» кричитъ онъ. Его бьетъ лихорадка, что-то подступаетъ у него къ самому горлу и вотъ-вотъ задушитъ его. Онъ прикладываетъ лобъ къ холодной землѣ...

А, полегчало!.. Полегчало!.. Какая-то свѣжесть прилила къ его головѣ. Мѣсяцъ любовно выглядывалъ изъ-за вѣтвей. Впереди, посеребренная луннымъ свѣтомъ, извивалась узкая гребля—вся, какъ на ладони. Вотъ уже видится конецъ гребли, тамъ раскинулась степь—ровная, бѣлая, безконечная. За греблей направо—старая верба. Толстый стволъ ея не обхватятъ и четыре человѣка; ея старыя вѣтви—это цѣлыя деревья, а вся она съ своими вѣтвями и сучьями, съ разросшимися вокругъ нея побѣгами, это—цѣлый лѣсъ. Неподалеку отъ вербы что-то такое движется, что-то пестрое, въ платкѣ. Ну, это, конечно, Горпына. Трудно разобрать при свѣтѣ мѣсяца издали, да только кому-же быть, какъ не Горпынѣ? «Горпына, Горпына, я къ тебѣ иду и никакъ не дойду!» восклицаетъ Сидорко и идетъ къ ней, въ самомъ дѣлѣ идетъ огромными шагами; вотъ онъ идетъ уже у конца гребли, вонъ Горпына машетъ ему рукой, вотъ онъ уже въ двухъ шагахъ отъ нея, еще два шага—и она... она все-таки въ двухъ шагахъ отъ него, онъ опять шагаетъ къ ней, а она ни ближе, ни дальше. И шагаетъ она долго—долго, а Горпына все отъ него въ двухъ шагахъ... «Горпына, Горпына! Постой! Куда же ты бѣжишь, вѣдь, это я, твой Сидорко! Пожалѣй-же меня! Я измучился въ конецъ! Горпына, Горпына!

Онъ падаетъ на колѣни и простираетъ къ ней руки.

III.
Речитативъ и казатика.

— Горпына! Зачѣмъ ты отъ меня убѣгаешь? Развѣ ты не любишь меня, Горпына?

— Не поймаешь—не возьмешь! съ невозмутимой безсердечностью отвѣчаетъ Горпина.

— Ты-же сама заказала мнѣ прійти сюда! А теперь...

— Что правда, то правда!.. Ни мало не смягчаясь, говоритъ Горпына.

— О, Горпына, Горпына! Еслибъ ты знала, какъ мнѣ горько слушать отъ тебя такія рѣчи! Вспомни, какъ ты меня любила еще въ прошломъ мѣсяцѣ и годъ тому назадъ. Вѣдь, ты знаешь, какъ это началось! Забыла? О, Господи, ты забыла, да, я вижу, что ты забыла. Ну, такъ я тебѣ напомню. Слушай. Мы были съ тобой на вечерницахъ. Это были первыя вечерницы, на которыя я пошелъ, потому что мнѣ было тогда всего восемьнадцать лѣтъ; да и ты Горпына, пришла въ первый разъ; вѣдь, тебѣ было всего шестьнадцать лѣтъ, и ты была такая молодая, румяная и свѣжая, какъ яблочко, и оттого, что ты была такая молодая и румяная и свѣжая, какъ яблочко, и оттого, что очи у тебя были, какъ двѣ звѣздочки на небѣ, а брови надъ ними, какъ шелковые шнурочки, и оттого, что смѣхъ у тебя былъ такой добрый, и не было въ немъ никакого зла,—я полюбилъ тебя, Горпына, всѣмъ моимъ щирымъ сердцемъ, всей моей горячей душой. А ты... я не знаю, за что ты меня полюбила, но ты сама сказывала, что за доброту мою, за то, что я былъ парень пригожій и еще за то, что я ласково глядѣлъ въ твои ясныя очи. Помнишь-ли ты, Горпына, какъ на тѣхъ самыхъ вечерницахъ, гдѣ мы съ тобой въ первый разъ были засчитаны—я за парня, а ты за дѣвку, мы уже поклялись любиться до гроба? И потомъ сколько разъ ты выходила ко мнѣ въ поздній часъ на улицу и я обнималъ твой тонкій станъ и цѣловалъ твои карыя очи! Помнишь, бывало, въ зимній вечеръ я становился въ балкѣ, знаешь,—тамъ, недоходя панскаго тока, —становился я въ балкѣ и запѣвалъ себѣ:

«Ой выйды, выйды,
«Моя рыбонько, моя Галонько»...

А ты уже чуешь, не слухомъ, а сердцемъ, моя Горпына, и бѣжишь ко мнѣ, и кутаешься отъ холода въ мою свиту, и прижимаешься ко мнѣ, робкая и трепещущая, какъ малая пташка, что прячется подъ крылышко матери! Ахъ, Горпына! Развѣ въ эти вечера ты не твердила мнѣ ежечасно, что будешь моею, что никогда не разлюбишь? Развѣ мы не обѣщались другъ другу пожрейться, какъ только батько мой позволитъ мнѣ это. И что-же? Вотъ уже больше года мы ждали, ты все любила меня, а теперь, когда свадьба на носу, когда батько сказалъ, что пошлетъ къ тебѣ сватовъ, какъ только кончится Риздво, теперь ты вдругъ отвернула отъ меня свое славное личико, ты убѣгаешь отъ своихъ Сидорки, ты не хочешь по прежнему закутаться въ его свиту и пригорнуться къ нему!..Такъ постой-же! Вотъ на насъ смотритъ мѣсяцъ, а онъ ввикій разсмотрѣлъ на насъ и тогда, когда ты приходила ко мнѣ на балку и обѣщалась быть моею, и звѣзды онѣ тоже это все видѣли, и камышъ напѣвалъ

тому-же Георгію, во всѣхъ квартирахъ происходила суета необыкновенная. Въ этомъ дворѣ помѣщалась когда-то его бакалейная торговля, а потомъ онъ отчасти купилъ его, отчасти пріобрѣлъ, отчасти оттягалъ.

Особенное оживленіе по случаю приближающихся праздниковъ замѣтно было въ квартирѣ мастерового Труденко, недавно только оправившагося отъ тяжкой болѣзни (ему отдавило молотомъ ногу) и выписавшагося изъ больницы какъ разъ къ празднику. Молодая жена глядѣла то на мужа, то на ребенка, лежавшаго въ колыбели, каждый разъ шептала благодарственныя молитвы,—и весело спорилась въ ея рукахъ работа. Во время болѣзни мужа она стирала на людей и выработала цѣлое состояніе—шесть рублей остается еще на праздники!

Дуня управилась едва только въ полдень наканунѣ дня сочельника и собралась, наконецъ, идти на базаръ. Въ это самое время изъ калитки, соединявшей оба сосѣднихъ двора, вышелъ самъ хозяинъ, Георгій Діомедовичъ, при чемъ незабылъ по своему обыкновенію затворить за собою на ключъ калитку. Онъ какъ разъ направлялся въ квартирку Труденковыхъ, чтобы нанести имъ ударъ, котораго они и не ожидали, позабывши въ своей радости, что и они—въ рукахъ Пилата.

Георгій изъ всего человѣчества, съ которымъ сталкивался въ послѣднее время, особенно возненавидѣлъ своего жильца мастерового. Всѣ мастеровые пьянствуютъ и дерутся съ женами, а Труденко въ женѣ души не чаетъ и весь заработокъ приноситъ домой. Еще ни разу Труденко не обращался къ нему за какой бы то ни было денежной помощью, ни даже съ просьбой объ отсрочкѣ наемной платы—стало быть, онъ былъ гордъ и считалъ себя выше «Пилата»! Случилось съ Труденко несчастье—Георгій немного успокоился и, не требуя два мѣсяца квартирныхъ денегъ, онъ замышлялъ уловить въ свои сѣти красивую Дуню, пользуясь ея безпомощностью и беззащитностью. Его философія была такова: человѣкъ съ деньгами—стоитъ копѣйку, а въ нуждѣ его можно купить даромъ. Но онъ упустилъ случай, теперь этотъ негодяй опять вернулся, имъ вдвоемъ весело,—стало быть, надо во что бы то ни стало отмстить имъ! Когда Труденко увидѣли у себя на порогѣ Георгія, что то въ нихъ дрогнуло. Предчувствіе необмануло ихъ: хозяинъ потребовалъ уплаты полностью за квартиру за 2 истекшихъ мѣсяца.

— Пилатъ, подумалъ Труденко. Пришелъ ты высосать кровь нашу!

Какъ ни упрашивалъ Труденко, какъ ни умоляла со слезами жена его, все было напрасно: Георгій Діомедовичъ былъ неумолимъ. Онъ объявилъ рѣшительно, что если сейчасъ-же не будутъ внесены за квартиру 6 руб., то черезъ два часа вся семья будетъ выброшена со всѣми пожитками на улицу. Права то онъ на это безъ суда не имѣлъ, но Труденко знали, что, разъ сказавъ что-нибудь, Пилатъ непремѣнно исполнитъ въ точности, особенно если дѣло идетъ о поступкѣ жестокомъ, немилосердномъ. Еще съ полчаса продолжались переговоры, споры, слезы, усовѣщеванія, ползанье на колѣняхъ, ругань, просьбы. Георгій зналъ, что онъ послѣ праздниковъ получитъ свои деньги сполна, но ему не денегъ теперь надо было, а позора этихъ людей, которые, казалось ему, такъ долго оскорбляли его своей трудовой жизнью, своей счастливой бѣдностью, своимъ веселіемъ. Наконецъ, терпѣніе у Труденко истощилось и онъ, какъ-то яростно задыхаясь, вакричалъ женѣ:

— Отдай, отдай ему нашу кровь!

И, бросивъ ему въ самое лицо нѣсколько бумажекъ, онъ прибавилъ:

— Но помни, что ты отнялъ Христовы денежки! Помни это, Пилатъ!

Пилатъ! Еще въ первый разъ Георгія назвали такъ прямо въ лицо этимъ именемъ, хотя онъ зналъ, что его зовутъ такъ за глаза. Изъ подъ рѣсницъ на секунду блеснуло что-то страшное—но тотчасъ-же лицо сдѣлалось каменнымъ, какъ обыкновенно. Георгій поднялъ деньги, брошенныя ему въ лицо, спряталъ ихъ въ карманъ и медленно вышелъ изъ комнаты.

Въ самый вечеръ сочельника въ комнатахъ Пилата было пусто и тихо, какъ въ могилѣ. Передъ иконой Христа горѣла лампадка и бросала вокругъ слабый полусвѣтъ. Старикъ ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ и по обыкновенію обдумывалъ сперва дневные итоги, а потомъ планы на завтра. Но странное дѣло—сегодня у него какъ-то все не клеилось. Пилатъ былъ упрямъ—онъ нехотѣлъ себѣ въ этомъ сознаться. И потому-то, хотя ему слѣдовало по росписанію давно собираться въ постель, но онъ, на зло, расхаживалъ по комнатѣ. Нехотѣлъ-же онъ самому себѣ сознаться въ «чемъ-то», что заставляло дѣла не клеиться, вотъ по какой причинѣ: съ нимъ, несомнѣнно, творилось что-то неладное и творилось оно почти съ того самого момента, когда дерзкій мастеровой такъ неожиданно бросилъ ему въ глаза Пилата!

Пилатъ отдалъ Христа звѣрямъ въ человѣческомъ образѣ на мученія, Пилатъ былъ виновникомъ Іисусовой крови; теперь какъ разъ былъ праздникъ Христа,—и Георгій особенно мучительно чувствовалъ обиду,—гораздо болѣе, острую стрѣлу, вонзенную въ его сердце. Назови его Труденко чортомъ, исчадіемъ ада—это было-бы пустяки, такъ какъ Георгій былъ увѣренъ, что этихъ «фантазій» не существуетъ (по тому то онъ всегда былъ спокоенъ и за будущую участь своей души). Но Пилатъ существовалъ, *онъ* пролилъ кровь Іисуса, слѣдовательно,—пролилъ кровь Христа и онъ, Георгій. Да! Но кромѣ того, онъ въ тоже время, и укралъ у Христа деньги, онъ обокралъ Бога! Вѣроятно не существовало еще на свѣтѣ такого страшнаго, чудовищнаго преступленія! Потому что люди обкрадывали родныхъ, друзей, церковь, но онъ, Георгій Пилатъ, обокралъ самого Бога! Неужели-же онъ, именно онъ—самый чудовищный преступникъ въ мірѣ?

Такія мысли копошились въ головѣ стараго Георгія въ святой вечеръ. Онъ старался, конечно, гнать ихъ отъ себя, старался побѣдить ихъ противоположными, вѣскими доводами, заимствованными изъ долгой практики. Онъ зналъ, что можно совершить какой угодно грѣхъ, лишь бы потомъ замолить его и, въ крайнемъ случаѣ, пожертвовать нѣсколько монетъ на нищую братію. Онъ говорилъ себѣ, что смѣшно называть поступокъ противъ *Ѳедьки мастероваго* поступкомъ противъ *Христа*, и нужно быть сумасбродомъ, чтобы придавать словамъ раздраженнаго человѣка какое бы то ни было значеніе, въ особенности, если принять во вниманіе, что человѣкъ этотъ имѣлъ въ виду не заплатить слѣдуемыя за квартиру деньги!

Но чѣмъ больше создавалъ доводовъ и возраженій Георгій, тѣмъ большій разладъ онъ чувствовалъ въ своей душѣ, тѣмъ съ большей силой возвращались къ нему убійственныя слова: «Пилатъ! Укралъ Христовы деньги»! Георгій въ первый разъ въ жизни, наконецъ, признался себѣ, что онъ *боленъ*, онъ, который еще ни разу не заболѣлъ даже легкой простудой. Эта мысль немного его успокоила, такъ какъ если онъ боленъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что такъ разстроился отъ пустяковъ и видитъ вещи въ другомъ свѣтѣ. Да, онъ боленъ! Сегодня онъ вошелъ въ церковь въ самомъ благочестивомъ настроеніи; но, только что онъ хотѣлъ поставить обычную свою свѣчку передъ образомъ Спасителя, какъ уже почувствовалъ въ себѣ что-то нехорошее. Когда онъ подошелъ къ образу, то ясно ощутилъ, что двѣ чьи-то руки отвели его въ сторону; онъ пошатнулся, въ глазахъ его на минуту стемнѣло, но когда опомнился, то увидѣлъ, что стоитъ онъ около образа одинъ и, слѣдовательно, «рукъ» никакихъ не было, а просто ему такъ показалось. Но въ то-же самое время, когда онъ оборачивался, онъ увидѣлъ невдалекѣ отъ себя, возлѣ иконы Божьей Матери съ младенцемъ,—своихъ жильцовъ, мастерового и его жену, стоящихъ на колѣняхъ и жарко молящихся: на лицѣ мастерового была и вѣра, и страданіе, женщина-же только горько рыдала... Отвернувшись почему-то поскорѣе отъ этой картины, Георгій пытался вторично подойти къ иконѣ съ тѣмъ, чтобы поставить свою свѣчку. Онъ подошелъ довольно робко и поставилъ свѣчку, хотя руки его немного дрожали... Но затѣмъ ему показалась вещь еще болѣе странная, а именно, что ликъ Спасителя съ иконы взглянулъ на него какимъ-то особеннымъ образомъ... Георгій вздрогнулъ отъ этого взгляда, котораго онъ никогда за всѣ двадцать, двадцать пять лѣтъ ни разу не замѣчалъ. И тутъ-же онъ ясно услышалъ, какъ кто-то надъ самымъ ухомъ его произнесъ: «Христова кровь... Христовы денежки».

Онъ пробылъ въ церкви недолго, почувствовавъ какую-то необычайную усталость. Когда онъ вошелъ въ свою комнату, то первымъ дѣломъ хотѣлъ взглянуть на ликъ Спасителя, висѣвшій въ углу, гдѣ теплилась лампадка. Страшная сила толкала его *взглянуть* и въ то-же время другая страшная, непреодолимая сила отворачивала его голову отъ *того* угла. И онъ не взглянулъ. Это мучило его больше всего. Вотъ уже съ часъ, какъ онъ расхаживалъ по комнатѣ, чувствовалъ ясно, что на него изъ угла *кто-то* смотритъ и цѣлый часъ онъ не можетъ повернуть туда голову. Наконецъ, онъ рѣшился лечь въ постель и успокоиться, укрывшись съ головой одѣяломъ.

Въ то время, когда онъ сталъ раздѣваться, онъ ощупалъ въ карманѣ своей жилетки тѣ замасленныя, твердыя, какъ-бы мозолистыя бумажки, которыя онъ получилъ отъ мастерового. Онъ ощутилъ какое-то непріятное чувство, точно прикоснулся къ чему-то скользкому, холодному. Не смущаясь этимъ, онъ досталъ бумажки и принялся ихъ внимательно разсматривать. Но тутъ онъ почувствовалъ въ спинѣ какой-то электрическій токъ, до того страшный, могучій, что мгновенно обернулся, а лучше сказать, его обернуло. И какъ только это случилось, глаза его мгновенно встрѣтились съ глазами Христа: Георгій задрожалъ и поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ.

— Смотритъ, смотритъ! закричалъ онъ такимъ ужаснымъ, дикимъ голосомъ, что весь пустой домъ содрогнулся и повторилъ за нимъ нѣсколько разъ произнесенное имъ слово.

— Смо-о-тритъ! закричалъ онъ, наконецъ, въ третій разъ уже съ дикимъ отчаяньемъ, при этомъ колѣни его подогнулись, бумажки выпали изъ рукъ, а самъ онъ, какъ снопъ, грохнулся на полъ.

Антонида, прибѣжавшая на крикъ, привела своего хозяина въ чувство и кое-какъ уложила на диванъ. Людей позвать она боялась, потому что Георгій Діомедовичъ терпѣть не могъ незванныхъ посѣтителей. Очнувшись, старикъ почувствовалъ, что онъ страшно разбитъ и потрясенъ, что ему нужно было-бы теперь какую-нибудь родную, близкую душу, что, наконецъ, нужно было-бы выпить хоть какую-нибудь микстуру. Но упрямство превозмогло и на этотъ разъ.

— Ничего не нужно, сказалъ онъ Антонидѣ.

Та не двигалась.

— Чего-же ты стоишь,—сказалъ онъ уже рѣзко,—убирайся на кухню.

Молчаливая кухарка повиновалась. Но Георгій Діомедовичъ тотчасъ-же, какъ она ушла, сталъ раскаяваться въ томъ, что отослалъ ее, потому что не болѣе, какъ черезъ три, четыре минуты послѣ ея ухода, *прежнія* мысли, *прежнія* терзанія, *прежній* страхъ опять возобновились съ большей силой. Въ головѣ онъ чувствовалъ страшную ломоту, въ ногахъ—дрожь, въ ушахъ—звонъ. А когда звонъ этотъ прекращался, то вмѣсто него раздавалось какое-то шуршанье, какой-то сдержанный шопотъ. Георгій съума сходилъ. Онъ ясно чувствовалъ, что шурщанье, шепотъ идутъ какъ разъ съ той стороны, гдѣ лежатъ упавшія на полъ замасленныя бумажки.

— Пилатъ, шептала одна бумажка.

— Мы Христовы, говорила другая.

— Кровь выпилъ, добавляетъ третья.

— Ты долженъ насъ возвратить мастеровому и его женѣ, произнесла, наконецъ, одна изъ нихъ.

— Долженъ, повторила другая.

— Долженъ, долженъ, долженъ, подтвердили всѣ остальныя хоромъ.

Георгій собралъ остатокъ силъ и въ припадкѣ ярости закричалъ:

— Нѣтъ не долженъ! Не хочу!! А-а-а! (Его душила бѣшенная злоба).

Только онъ произнесъ эти слова, какъ весь домъ мгновенно огласился страшнымъ звономъ, такимъ страшнымъ и громкимъ, что Георгій чуялъ навѣкъ оглушенный. Страшный звонъ былъ такого рода, какъ будто всѣ церкви, колокольни, канделябры, подсвѣчники, серебряныя хлѣбницы въ шкафахъ и комодахъ, всѣ монеты въ сундукахъ повскакивали со своихъ мѣстъ и столкнулись встряхнутые землетрясеніемъ или какимъ-то могучимъ рычагомъ. Но страшный этотъ шумъ продолжался не болѣе, какъ одну секунду и замолкъ. А затѣмъ, Георгій ясно услышалъ, какъ замасленныя бумажки на полу громко произнесли:

— Всѣ мы Христовы.

— Денежки, добавилъ на это цѣлый тысячный хоръ звонкихъ монетъ и серебряныхъ вещей.

— О—охъ, смерть идетъ, простоналъ тогда Георгій Діомедовичъ... Приходите, все... возьмите... берите. Только сына моего дайте мнѣ, моего сына!... Молчаливая и вѣрная раба Антонида стояла все время, притаившись за дверью, и слышала его стоны, его слова. Сынъ его съ женой жили въ городѣ, гдѣ страшно бились изъ-за насущнаго куска. Ихъ привели къ больному старику въ ту-же ночь и они поселились съ тѣхъ поръ съ нимъ вмѣстѣ. Антонида-же была свидѣтельницей того, какъ черствый, грубый человѣконенавистникъ Пилатъ, прижимая къ груди своего сына, въ первый разъ въ жизни заплакалъ, зарыдалъ на весь домъ, какъ раненый звѣрь...

Весело взошло на другой день солнышко для всего міра. Весело взошло оно и для бѣдной квартирки мастерового. Потому что, возвратившись изъ церкви, мастеровой и жена его нашли на столѣ неизвѣстно кѣмъ положенные шесть рублей—*Христовы денежки* и въ добавокъ около нихъ въ пакетѣ лежала сумма въ десять разъ большая.

Даніилъ Городецкій.

Наказанные мудрецы.

(Святочная легенда).

Въ древнія, очень даже древнія времена на крутомъ берегу величественнаго Геллеспонта возвышался большой торговый городъ, имя котораго, къ сожалѣнію, не сохранилось для потомковъ, но который, какъ гласитъ преданіе, былъ основанъ въ память долголѣтнихъ скитаній хитроумнаго Одиссея. Горделиво красовался торговый городъ надъ зеркальною поверхностью Геллеспонта, любуясь на цѣлыя армады кораблей, которые спѣшили въ его гостепріимную гавань съ различными товарами и справедливо считалъ себя могущественнымъ повелителемъ всего южнаго побережья...

Этотъ торговый городъ управлялся, въ хозяйственномъ отношеніи, семьюдесятью двумя мудрецами, которые избирались жителями изъ своей среды на опредѣленное число лѣтъ и совокупными усиліями своихъ мудрыхъ головъ — споспѣшествовали преуспѣянію и развитію ихъ роднаго города... Эти мудрецы, облеченные довѣріемъ всѣхъ гражданъ, сильные опытомъ, полные безпристрастія и стремленія возвеличить городъ, но въ то же время крайне разсчетливые и экономные въ расходованіи общественныхъ денегъ — изыскивали постоянно способы, чтобы и невинность соблюсти, и капиталъ пріобрѣсти и, нужно замѣтить, хотя-бы въ назиданіе нашихъ гласныхъ — изыскивали весьма остроумно и удачно.... при помощи богини мудрости Минервы, которая оказывала имъ свое покровительство.

Но однажды, за 792 г. до Р. Х. жители города прогнѣвили чѣмъ-то Минерву, богиню мудрости, и она отступилась отъ нихъ, предоставивъ имъ управляться при помощи своихъ собственныхъ умовъ. Къ несчастью, грѣшники до такой степени уже увѣровали въ свои собственные таланты и въ могущество, что вмѣсто того, чтобы умилостивить богиню подобающими жертвоприношеніями и вымолить у нея прощеніе—отнеслись совершенно равнодушно къ ея гнѣву и задумали жить на будущее время своими собственными мозгами...

И вотъ начали они мудрствовать лукаво. Прежде всего имъ пришла въ голову мысль, что для успѣха просвѣщенія среди гражданъ необходимо имѣть городской театръ. Увлекшись такою мыслью, мудрецы немедленно приступили къ составленію плановъ, проэктовъ, чертежей, смѣтъ и т. п. подготовительныхъ работъ, совершенно охладѣвъ къ остальнымъ хозяйственнымъ вопросамъ... Конечно, если бы они не были въ разладѣ съ Минервою, то она не допустила бы мудрецовъ до такого чисто юношескаго увлеченія и во время напомнила-бы имъ о томъ, что хотя театръ — вещь сама по себѣ очень прекрасная и весьма много способствующая просвѣщенію, но.... не на столько необходимая, какъ школы, гимназіи и прочія учебныя заведенія. А вотъ въ отношеніи-то этихъ самыхъ заведеній городъ сильно таки прихрамывалъ, ибо, судя по сохранившимся свѣдѣніямъ, въ немъ, при всей его громадности, насчитывалось $1\frac{1}{2}$ начальныя школы и $2\frac{1}{2}$ гимназіи.

Но Минерва молчала, а мудрецы увлекались не по лѣтамъ и, благодаря этимъ обстоятельствамъ, сочинили театръ стоимостію въ полтора милліона сестерцій, при чемъ даже не уяснили себѣ хорошо вопроса о томъ, гдѣ, откуда и какъ добыть эту кругленькую сумму...

Работа по постройкѣ театра закипѣла подъ руками подрядчика, прибывшаго изъ Финикіи (страны, гдѣ произрастали въ тѣ времена финики), а мудрецы, довольные близкимъ осуществленіемъ своей завѣтной мечты, принялись за текущія дѣла, отъ которыхъ совсѣмъ было уже отвыкли.

Случилось такъ, что другіе народы разгнѣвали въ это время бога боговъ—громоносца Зевеса—и онъ въ наказаніе послалъ на нихъ какую-то страшную болѣзнь, которая истребляла людей цѣлыми тысячами. Эта болѣзнь началась далеко отъ того города, о которомъ идетъ рѣчь, но, не оставаясь на одномъ мѣстѣ, она шла впередъ, приближаясь къ нему и угрожая его жителямъ всѣми ужасами своего посѣщенія,..

Граждане начали ощущать нѣкоторый трепетъ, но за то мудрецы остались непоколебимы. Они стояли на высотѣ своего призванія, любили просвѣщеніе и правду, и поэтому, отвергая самые незначительные расходы на санитарныя улучшенія, давали деньги на театръ и на увеличеніе содержанія своимъ судьямъ, которые и безъ того получали такое-же жалованье, какое получаютъ нынѣ члены окружныхъ судовъ, судебныхъ палатъ и проч.

— Денегъ нѣтъ! Денегъ нѣтъ!—кричали мудрецы, когда у нихъ просили нѣсколько тысячъ сестерцій на замощеніе базарныхъ площадей, распространявшихъ зловоніе, или на приведеніе въ порядокъ окраинъ города, гдѣ жители тонули въ грязи, и въ то же время давали эти тысячи на театръ, на прибавку жалованья судьямъ...

И свершилось прискорбное дѣло!...

Явилась страшная, неумолимая гостья и начала свою расправу... Она не обратила никакого вниманія на роскошный театръ, презрительно отнеслась къ судьямъ, несмотря на то, что они, послѣ прибавки жалованья, сдѣлались еще правдивѣе и строже, чѣмъ были до прибавки, и, основавъ свою резиденцію на гнойныхъ магазинахъ, поглотила всѣхъ жителей вмѣстѣ съ судьями и мудрецами...

Такъ погибла высокая Троя...

Такъ покончилъ свое существованіе богатый и обширный нѣкогда городъ единственно потому, что жители его поссорились съ Минервою...

Аргонавтъ.

ДѢТЯМЪ НА ЕЛКУ.

Разсказы тети Лизы.

I.

КАРАПУЗИКЪ.

«Вотъ спички! Спички хорошія!» раздается часто тоненькій голосокъ подъ нашими окнами. По дворамъ и улицамъ часто можно видѣть дѣтей, съ корзинами спичекъ на обѣихъ рукахъ. Нерѣдко такіе маленькіе продавцы надоѣдаютъ своими просьбами—купить у нихъ коробку-другую спичекъ; но, милые мои, не гоните этихъ несчастныхъ; это маленькіе рабочіе, содержащіе себя своими трудами! Иногда такому торговцу лѣтъ 8—10, а ужь онъ своими маленькими ножками и ручками добываетъ себѣ и хлѣбъ и одежду, а бываетъ и такъ, что заработками своими онъ еще помогаетъ больному отцу или несчастной матери. А, скажите, многіе-ли изъ васъ могутъ похвастать такими заслугами?

Сколько улицъ нужно пройти бѣдному ребенку своими крошечными шажками, чтобы заработать на дневное пропитаніе. Плохо одѣтый, въ огромныхъ дырявыхъ сапогахъ, маленькій продавецъ совершенно предоставленъ на долю всѣхъ невзгодъ бури и непогоды; дождь, снѣгъ, грязь—все обрушивается на него, и все онъ долженъ вынести. Вотъ почему, такіе разносчики имѣютъ захудалый, страдальческій видъ; глаза впалые, больные, запекшіяся губы, землистый цвѣтъ лица—все это показываетъ, что нелегко бѣдному достается его копѣйка. Я зналъ одного такого мальчика и могу разсказать вамъ его исторію. Отецъ служилъ на конкѣ, но его какъ-то помяло паровозомъ, и городовой отвезъ его въ больницу, гдѣ на другой день онъ отдалъ Богу душу. Добрый директоръ конки выдалъ на похороны цѣлыхъ 5 руб., и тѣмъ кончилось дѣло. У матери осталось 3 челов. дѣтей, малъ мала меньше, а содержать ихъ было нечѣмъ. Долго ходила она въ управленіе, долго хлопотала, просила, пока наконецъ ей выдали 15 руб. Но это небольшія деньги и скоро они уплыли. Нашъ «Карапузикъ» былъ извѣстенъ во всемъ околодкѣ, какъ бойкій, смышленый мальчикъ; мать купила ему спичекъ на 1 р. 50 к., сложила ихъ въ корзинку, и онъ пошелъ продавать. Ему посчастливилось, и онъ принесъ домой 2 р. 50 к. Нужно было видѣть, какъ его цѣловала мать, какъ обнимали обѣ сестренки, чтобы понять, какъ велика была помощь «Карапузика».

Съ непривычки, онъ не могъ сначала выходить на свою торговлю каждый день: маленькія ножки болѣли, сапоги натирали мозли, волдыри; мальчикъ сильно страдалъ, оставался дома, а потомъ опять принимался за свое. А иногда съ нимъ бывали несчастія. Какъ-то, проходя мимо одного магазина, онъ засмотрѣлся въ окно, а въ это время какой-то негодяй стянулъ у него дюжины 3 спичекъ. Эта пропажа стоила много слезъ всей семьѣ; въ другой разъ повторилось тоже, но воръ былъ замѣченъ прохожими и принужденъ былъ возвратить краденное.

Да, милые дѣтки, теперь, когда вы сидите въ теплѣ и холѣ, у маленькаго «Карапузика» тоже праздникъ. Онъ успѣшно торговалъ, мать его тоже нашла работу, и они собрались вмѣстѣ провести святой вечеръ. «Карапузикъ» нашъ важничаетъ страшно: онъ считаетъ себя уже большимъ человѣкомъ, его очень любятъ не только домашніе, но и сосѣди, а живущій въ домѣ народный учитель обѣщалъ выучить его считать, такъ чтобы онъ не сбился, давая сдачи. Повѣрьте, милые дѣтки, каждый продавецъ спичекъ—тотъ же «Карапузикъ»: у каждаго изъ нихъ нѣтъ теплаго угла, нѣтъ готоваго хлѣба, платья; все нужно заработать самому, потому что у одного нѣтъ готоваго хлѣба, платья; все нужно заработать самому, потому что у одного нѣтъ отца, у другаго—больная мать, и онъ является кормильцемъ семьи.

II.

НОЧЬ ВЪ УЧАСТКѢ.

Былъ канунъ Рождества. Въ подвальномъ этажѣ большаго дома, въ маленькой комнатѣ, наполненной паромъ мокраго бѣлья, двѣ женщины торопливо оканчивали работу, чтобы успѣть засвѣтло отнести бѣлье заказчику и приготовиться къ завтрашнему празднику. Тяжелая нужда сквозила во всей обстановкѣ и на лицахъ бѣдныхъ прачекъ. Въ углу той-же комнаты играло двое дѣтей—мальчикъ лѣтъ 7 и дѣвочка—5; они сидѣли тихо, изрѣдка раздавался ихъ шопотъ; не слышно было ни смѣха, ни шутокъ. Но, видно, дѣтямъ надоѣло сидѣть на одномъ мѣстѣ; они встали и обратились къ одной изъ женщинъ, лѣтъ 30. Она была еще молода, но горе преждевременно состарило ее; къ ней-то и обратились дѣти.

— «Мама, сказалъ одинъ, мы пойдемъ во дворъ. Можно?» Мать кивнула въ знакъ согласія головою, и дѣти, взявшись за руки, неслышно вышли на грязный дворъ.

— Настя, сказалъ мальчикъ, пойдемъ на улицу: я тебѣ покажу хорошенькую куклу. Вчера, когда мы ходили съ мамой относить бѣлье, я въ окнѣ магазина видѣлъ большую куклу; она даже кивала головой Пойдемъ скорѣе.

Дѣвочка послушно побрела за братомъ Когда дѣти вышли изъ воротъ, ихъ оглушили шумъ и суета на улицѣ; множество людей торопливо двигалось по тротуарамъ, и дѣти съ трудомъ пробирались въ шумной толпѣ; вотъ и замачивый магазинъ. Господи, какая прелесть! Тутъ была и кукла, кивавшая головой, лошадки, овечки съ пушистой бѣлой шерстной; медвѣдь такъ страшно раскрывалъ ротъ, что, казалось, хотѣлъ проглотить самого себя, а тамъ выше, стояли маленькіе стаканчики, блюдечки, вилочки, развѣшены были картинки и много, много чудныхъ вещей. Настя опѣвѣла отъ восторга. Гриша торжествовалъ и съ видомъ опытнаго человѣка указывалъ ей то то, то другое изъ выставленнаго, въ масъ котораго она совершенно потерялась. Они еще долго-бы любовались всѣмъ этимъ, но маленькія ножки устали стоять, и дѣтки пустились обратно. Осторожно пробирались дѣтки черезъ улицу, скользя по мокрой мостовой. Вдругъ огромный экипажъ налетѣлъ на нихъ.

— Держи! держи послышались отовсюду возгласы проходившихъ.

Гриша съ ужасомъ потянулъ сестренку за руку; дѣвочка поскользнулась и упала, увлекая за собою брата. Какой-то прохожій выхватилъ дѣтей изъ подъ экипажа, и они уцѣлѣли какимъ-то чудомъ. Эта сцена привлекла вниманіе городоваго, который задержалъ лошадей. Въ экипажѣ сидѣла нарядная дама съ франтоватымъ господиномъ вмѣсто кучера; ихъ пригласили въ участокъ.

Оправившись отъ испуга, дѣти бросились бѣжать. Гриша тащилъ за собою сестренку, не обращая вниманія на дорогу. Настя покорно плелась за нимъ, едва поспѣвая за быстро шагавшимъ братомъ. Когда дѣти немного успокоились, мальчикъ замѣтилъ, что его окружаютъ незнакомые дома и магазины. Наугадъ, Гриша повернулъ въ первую попавшуюся улицу, но тамъ онъ не нашелъ своего дома, а онъ его зналъ хорошо: такой большой сѣрый домъ съ винтовымъ погребомъ у самыхъ воротъ. Мальчикъ пошелъ еще скорѣе.

— Гриша, Гриша не бѣги такъ скоро, просила Настя, я не могу поспѣть, и дѣвочка заплакала.

— Ничего, Настя, не плачь, утѣшалъ ее мальчикъ, мы сейчасъ придемъ, и они шли дальше. Наступили сумерки, холодные, декабрскіе сумерки. На улицѣ быстро темнѣло. Усталыя, голодныя, продрогшія дѣти громко плакали. Гриша уже не утѣшалъ сестры; онъ самъ рыдалъ. Собралась толпа, явился и околоточный. Чьи вы?—спросилъ онъ.

— Мамины, отвѣчалъ мальчикъ сквозь слезы.

— А гдѣ ваша мама?

— Дома, отвѣчали всхлипывая дѣти, Долго разспрашивали дѣтей и прохожіе, но, не добившись ничего, околоточный рѣшилъ отвести ихъ въ участокъ. Тамъ дѣтей накормили, отогрѣли и поручили женѣ одного городоваго, которая сняла съ нихъ мокрые башмаки и уложила спать. Измученныя, наплакавшіяся дѣти скоро уснули.

Между тѣмъ, мать ихъ окончила работу, убрала комнату и вышла во дворъ звать дѣтей. Долго искала она ихъ во дворѣ, спрашивала и у дворниковъ, сидѣвшихъ у воротъ; но ничего не узнала. Въ отчаяніи, она обращалась къ сосѣдямъ и прохожимъ, и тутъ-то она услышала, что экипажемъ раздавило какихъ-то дѣтей, несчастная мать, въ чемъ была, побѣжала въ полицію, по дѣтей тамъ не нашла, и никто не могъ ничего сообщить ей о нихъ. Рыдая возвратилась она домой. Какую ужасную ночь провела бѣдная мать!

На другой день въ участокъ явился господинъ въ богатой шубѣ; онъ пришелъ освободить свой экипажъ и лошадей. Ему представили чуть не задавленныхъ имъ малютокъ; пристыженный баринъ долженъ былъ взять ихъ и вмѣстѣ съ городовымъ отвезти къ матери.—Несчастная женщина бросилась къ дѣтямъ, не замѣчая важнаго господина, который вошелъ въ ея квартиру. Плача и цѣлуя дѣтей, бѣдная мать не могла на нихъ насмотрѣться. Эта встрѣча и нищенская обстановка квартиры глубоко растрогали барина, и онъ тихо удалился, оставя на столѣ два блестящихъ двугривенныхъ. Впрочемъ, во всю свою жизнь онъ не могъ забыть этого случая, когда по его винѣ несчастная мать чуть было не потеряла своихъ малютокъ.

Е. Н. Семенюта

СКУПАЯ МАША.

(Сцена въ 1 дѣйствіи).

Дѣйствующія лица:

Маша—дѣвочка лѣтъ 8-ми.
Коля—лѣтъ 10-ти.
Анюта—4-хъ лѣтъ.
Няня.
Вѣрочка и *Лидочка*—гости, лѣтъ 7 и 9.

СЦЕНА I.

(Маша съ куклой, возлѣ—повозочка и кроватка).

Маша.—Какъ весело было на елкѣ у дѣдушки! Я получила чудесную куклу, кроватку для нея и повозочку. Какъ я рада! Только какъ-бы Анюта не брала моихъ игрушекъ.—Пойду и спрячу ихъ подальше. *(Хочетъ идти). Входитъ няня съ Анютой.*

ЯВЛЕНІЕ II.

Анюта.—Ахъ, куколка! Покажи, Маша, дай мнѣ ее. Дай!

Маша.—Не дамъ, не дамъ: ты разобьешь.

Анюта.—Дай, я не разобью, я потихоньку посмотрю только.

Маша.—Нѣтъ, нѣтъ, не дамъ, ни за что не дамъ. *(Анюта плачетъ).*

Няня.—Какая ты недобрая, Машенька! Дай сестрѣ куколку, я поглажу, чтобы она ее не разбила.

Маша.—Ни за что!

Няня.—Пойдемъ, Анюточка, не плачь милая, пойдемъ: я тебѣ барашка покажу, будемъ домикъ строить. Пойдемъ. *(Беретъ Анюту на руки).*—Скупая ты, Машенька!—*(уходитъ).*

ЯВЛЕНІЕ III.

Маша одна.

Маша.—Да, такъ и дала я тебѣ куклу. Платье помнетъ, шляпу ей испортитъ. А куколка чудесная. Волосы какія. Мама говоритъ, что ее можно раздѣвать, но я никогда не буду этого дѣлать. Еще испорчу что-нибудь.—Ну, пойду, да спрячу мои игрушечки въ свой шкафикъ. *(Хочетъ идти).*

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Вбѣгаетъ Коля, верхомъ на палочкѣ).

Коля.—Поди, поди! Берегись, Маша, у меня очень горячій конь. Пади! Шиш! Тпру! — *(Останавливается, увидя повозочку).*—Маша, давай запряжемъ мою лошадку въ твою повозочку. Будемъ возить на гуляніе твою куколку. Давай. Право, будетъ весело.

Маша.—Нѣтъ, не хочу.

Коля.—Отчего-же ты не хочешь? Ну, Машечка, душечка, ну, прошу тебя, пожалуйста.

Маша.—Не хочу, не хочу.—Ты изломаешь мою повозочку, разобьешь куклу. Нѣтъ, никогда не позволю я тебѣ этого.

Коля.—У! скупая, скупая! Скажу всѣмъ, что ты скупая. Сиди одна со своей куклой,—скупая, скупишка!..—*(Дразнитъ ее).*

Маша.—Коля, не дразни меня; я мамѣ пожалуюсь.

Коля.—Да я и мамѣ скажу, что ты скупая, не даешь никому прикоснуться къ твоимъ вѣщамъ.—*(Убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ V.

Маша одна.

Маша.—Какой злой Коля! Ну, ничего, за то моя куколка цѣла. Душечка моя! Какъ я тебя люблю.—*(Осторожно расправляетъ платье куклы).*—Спрячу я тебя, моя куколка, въ шкафикъ, ты тамъ будешь лежать, и никто тебя не будетъ трогать. Ну, да. Спрячу куколку, и буду только на нее смотрѣть. А повозочка какая прекрасная! А этотъ Колька хочетъ запречь въ нее лошадку и возить. Еще сломаетъ колеса. Ну, нѣтъ, не видать тебѣ моей повозочки.—Ну, пойду въ дѣтскую, спрячу все и ключикъ запру въ шкатулочку.—*(Хочетъ идти.—Входитъ Няня).*

Няня.—Машенька, иди: гости пришли.

Маша.—Кто, кто?

Няня.—Лидочка и Вѣрочка. Позвать ихъ сюда?

Маша.—Нѣтъ, няня, не надо, погоди, я спрячу игрушки, а то Лидочка, чего добраго, разобьетъ мою куколку. Не зови ихъ, няня!

Няня.—Ну, ты покажи имъ свои игрушечки, поиграй съ ними, Машенька; стыдно вѣдь быть такой скупой.

Маша.—Нѣтъ, я не хочу, я никому не хочу показывать своихъ игрушекъ, еще испортятъ что-нибудь. *(За сценой слышны голоса дѣтей: «Гдѣ-же Маша? Пойдемъ къ ней». Маша торопливо схватываетъ игрушки и бросается къ двери, ведущей въ дѣтскую. Няня смотритъ на нее и качаетъ головой).*

ЯВЛЕНІЕ VI.

(Входятъ Коля, Лидочка и Вѣрочка съ Анютой).

Дѣти всѣ.—Гдѣ-же Маша?

Няня.—Сейчасъ придетъ.—*(За сценой слышенъ звукъ падающихъ вещей, и Маша съ крикомъ вылетаетъ изъ дѣтской).*

Маша.—Моя куколка...

Всѣ.—Что случилось? Что ты Маша?

Маша (плача).—Разбилась моя новая куколка, которую мнѣ вчера подарилъ дѣдушка.

Няня.—Вотъ видишь, Машенька, какъ ты наказана за свою скупость! Не скупилась-бы, играла-бы съ дѣтьми и куколка была-бы цѣла и весело было-бы. А теперь вотъ плачешь, горюешь, а бѣды и поправить нельзя.

Маша (прижимается лицомъ къ нянѣ, всхлипываетъ).—Я не буду, нянечка, не буду, милая, всегда буду дѣлиться игрушками, не бу

проведенъ до настоящаго времени, но по мѣрѣ развитія человѣчества онѣ, выдѣляятся когда нибудь совсѣмъ и останутся только однѣ формы старыхъ идей, характеризующихъ особенности древняго народнаго быта со всѣми его понятіями о Богѣ и цѣлой вселенной. Такимъ образомъ, кажущаяся странность и непонятность многихъ святочныхъ увеселеній и суевѣрій, по взгляду автора разсматриваемой нами книги, объясняется просто живучестію въ христіанскомъ мірѣ еще прежнихъ остатковъ древняго язычества.

Эта точка зрѣнія на святочныя увеселенія и суевѣріе, конечно, болѣе всего справедлива въ приложеніи къ массамъ простаго народа, такъ какъ въ его увеселеніяхъ и суевѣріяхъ съ большею живучестію сохранились остатки отдаленной старины. И въ праздничныхъ обрядахъ народной массы можно безъ труда отмѣтить остатки древняго язычества. У славянскихъ племенъ напр. такимъ остаткомъ слѣдуетъ считать, такъ называемое, колядованіе; въ одномъ очень древнемъ житіи св. Владиміра равноапостольнаго упоминается о праздникѣ «бѣсу—колядѣ» уже послѣ того, какъ русскіе покинули «боженіи». Почавше отъ рождества Христова—читаемъ въ житіи—черезъ вся свѣта сходючися пѣсни сиѣвають, въ которыхъ и объ рождествѣ Христовомъ споминають, а не большей коляду—бѣса вихваляють». Житіе относитъ коляду такимъ образомъ, прямо къ остаткамъ язычества, и ученые, занимавшіеся изслѣдованіемъ русской старины, предполагаютъ, что подъ именемъ коляды древніе славяне чествовали начало тепла и свѣта, которое могло называться Перуномъ, или Сварогомъ, или Дажьбогомъ. Къ такимъ-же остаткамъ язычества у славянскихъ народовъ слѣдуетъ относить и обычай всевозможныхъ гаданій и переряживаній. Происхожденіе обычая наряжаться, относится къ глубочайшей древности. Маски были извѣстны всѣмъ древнимъ народамъ и у большинства изъ нихъ онѣ употреблялись жрецами для устрашенія грубой, суевѣрной толпы; между прочимъ, ихъ надѣвали на Вакховыхъ оргіяхъ, чтобы избавиться отъ колдовства и чаръ. Въ другіе языческіе праздники маскированные и костюмированные изображали духовъ, сохранявшихъ различные богатства въ нѣдрахъ земли, которыми одарялъ людей юный богъ, являвшійся на смѣну старому. Русскій простой народъ и самъ выражаетъ смутное сознаніе такого происхожденія обычая наряжаться, когда считаетъ себя обязаннымъ купаться въ крещенской священной водѣ. Разнообразіе-же гаданій—по различнымъ предметамъ—и само по себѣ ясно говоритъ о древнемъ обычаѣ языческихъ народовъ узнавать свою судьбу чрезъ разсмотрѣніе различныхъ предметовъ. На живучесть остатковъ язычества въ святочныхъ увеселеніяхъ указываетъ также англійскій и нѣмецкій обычай имѣть на рождественскомъ столѣ свинину, у богатыхъ даже въ видѣ цѣлой «всепощной свиньи», носящей такую кличку по времени своего уничтоженія; но неимѣнію же средства на покупку свиньи или поросенка, бѣдные крестьяне заготовляютъ эту необходимую принадлежность рождественскаго стола въ видѣ изображенія кабана изъ тѣста. Кабанъ въ древности былъ посвященъ богу Фро, бывшему богомъ мира и любви, посылавшему дождь и солнечный свѣтъ, плодородіе и неурожай. Его кабанъ съ золотою щетиною занималъ въ древне-германской миѳологіи нѣсколько самыхъ разнообразныхъ должностей: на его обязанности лежало освѣщать міръ и въ то-же время возить бога Фро, какъ онъ и представляется въ нѣмецкихъ сказкахъ.

Но если не трудно отличать въ святочныхъ увеселеніяхъ остатки язычества, то тѣмъ рѣзче въ этихъ увеселеніяхъ отражаются слѣды христіанства. Повсемѣстный обычай чуть не обязательнаго посѣщенія церкви всѣми членами семьи, различныя религіозныя церемоніи особенно въ странахъ католическихъ, разнообразные религіозные разсказы и театральныя представленія, еще и до сихъ поръ у нѣкоторыхъ народовъ удерживающіе характеръ нашихъ древнихъ мистерій,—всѣ эти и подобные имъ обычаи народовъ возникли и развились подъ прямымъ и непосредственнымъ вліяніемъ христіанской религіи. При этомъ нельзя не отмѣтить и того факта, что, въ зависимости отъ общаго характера того или другого народа, и христіанское вліяніе отражается на святочныхъ увеселеніяхъ у разныхъ народовъ неодинаково. Особенно рѣзко выдаются по пластичности выраженія идей христіанства въ святочныхъ увеселеніяхъ итальянцы, вообще отдающіе предпочтеніе всякаго рода церемоніямъ и внѣшности въ дѣлѣ религіи: превративъ религію почти въ одну сценическую постановку религіозныхъ обрядовъ, въ рождественскіе праздники итальянцы устраиваютъ даже въ церквахъ нѣчто въ родѣ кукольной комедіи, такъ что въ церкви они являются скорѣе дикарями чѣмъ христіанами.

Необходимо замѣтить, что существуютъ нѣкоторыя данныя и для нѣсколько другого объясненія происхожденія, святочныхъ увеселеній и суевѣрій. Во всѣхъ гаданьяхъ, примѣтахъ и колядкахъ славянскихъ народовъ рельефно выдѣляется одинъ элементъ—именно связь рождественскихъ увеселеній съ земледѣліемъ и его продуктами. Пѣсни въ честь хлѣба, посыпаніе избъ овсомъ, торжественное кормленіе домашнихъ животныхъ (у чеховъ) и даже удѣленіе хлѣбныхъ зеренъ мышамъ съ приговоромъ: «поѣшьте, мышки, этотъ хлѣбъ, да оставьте рожь»,—эти и подобные имъ обычаи изъ святочныхъ народныхъ увеселеній, повидимому, указываютъ на то, что, по крайней мѣрѣ, многія изъ нихъ произошли внѣ всякой связи съ религіозными вѣрованіями народовъ, единственно въ зависимости отъ занятій крестьянъ. Мысль крестьянина постоянно занята главнымъ источникомъ его благополучія—урожаемъ хлѣба, а праздникъ Рождества заканчиваетъ трудовой хлѣбопашескій годъ и начинаетъ собою новый годъ. Это обстоятельство и породило въ жизни славянскихъ народовъ особые виды святочныхъ увеселеній, неразрывно связанныхъ съ земледѣльческимъ бытомъ крестьянъ. Можно думать, что многія изъ святочныхъ увеселеній первоначально и явились у народовъ подъ вліяніемъ перехода отъ стараго земледѣльческаго года къ новому и уже впослѣдствіи времени въ эти увеселенія былъ вложенъ народомъ смыслъ религіозный, соотвѣтствовавшій религіозному состоянію его—языческому или христіанскому.

«Странникъ».

ТЕЛЕГРАФНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

(Отъ корресп. «Одес. Листка»).

24 декабря (5 января).

ПЕТЕРБУРГЪ. Снова возбужденъ вопросъ о возвращеніи желѣзныхъ дорогъ въ казну. Министръ финансовъ высказался противъ торопливости пріобрѣтенія дорогъ въ виду финансовыхъ затрудненій.

По слухамъ, внесенъ уже въ государственный совѣтъ проэктъ о товарныхъ складахъ и въ числѣ ихъ хлѣбныхъ съ элеваторами.

Состоящая при вольно-экономическомъ обществѣ тарифная коммисія предполагаетъ ходатайствовать о пониженіи желѣзнодорожнаго тарифа для землеудобрительныхъ туковъ въ видахъ распространенія искусственныхъ удобреній.

Всѣ германскіе унтеръ-офицеры будутъ изучать телеграфное дѣло.

На о. Критѣ происходятъ волненія. Мотивы этихъ волненій—стремленіе присоединиться къ Греціи.

„Journal de S.-Petersbourg" по поводу слуховъ о возвращеніи Баттенберга въ Болгарію говоритъ, что вторичное избраніе его въ князья ржесобраніемъ не имѣетъ никакихъ шансовъ быть признаннымъ всѣми державами, а потому прибытіе Баттенберга въ Болгарію было бы въ высшей степени произвольнымъ поступкомъ и настоящимъ вызовомъ. Фактъ этотъ прибавитъ новыя сѣмена раздора къ тѣмъ, которыя уже существуютъ; это бытъ можетъ соотвѣтствуетъ извѣстнымъ комбинаціямъ, скрывающимся въ тѣни, но миру на востокѣ и общему спокойствію будетъ угрожать серьезная опасность; вотъ почему даже внѣ Россіи къ этому опасному проэкту относятся вообще неодобрительно и никто не осмѣливается принять на себя отвѣтственности покровительствовать ему. Въ виду этого можно было-бы надѣяться, что проэктъ не будетъ приведенъ въ исполненіе, еслибъ въ извѣстныхъ политическихъ центрахъ не было нѣсколькихъ лицъ, рѣшившихся, очертя голову, нарушить миръ и препятствовать установленію согласія между правительствами.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Высочайшая награда.

Государь Императоръ, по ходатайству главноуправляющаго собственною Его Императорскаго Величества канцеляріею по учрежденіямъ Императрицы Маріи, согласно удостоенію комитета министровъ, 12-го декабря Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать за отличное усердіе и особые труды на пользу дѣтскихъ пріютовъ:

Ордена: св. Анны 2 ст.: почетному члену екатеринославскаго губ. попечительства дѣтскихъ пріютовъ, отставному штабсъ-ротмистру *Яковлеву*.

Св. Станислава 3-й ст.: почет. попечителямъ таганрогскаго гор. дѣтскаго пріюта—тит. сов. *Полкотыцкому* и колл. рег. *Штурмъ-де-Штрему*.

Серебряную медаль для ношенія на шеѣ на Станиславской лентѣ—почетн. члену ростовскаго-на-Дону уѣзднаго попечительства дѣтскихъ пютовъ купцу *Ковому*.

Высочайшій Приказъ по военному вѣдомству.

Декабря 20-го дня, въ Гатчинѣ.

Переводятся: по кавалеріи: лейбъ-гвардіи конного полка корнетъ *Михаевъ*—въ крымскій дивизіонъ, съ переименованіемъ въ поручики; по пѣхотѣ: 59-го пѣхотнаго люблинскаго полка подполковникъ *Житковскій*—въ 53-й пѣхотный Братскій полкъ.

По вѣдомству учрежденій Императрицы Маріи, состоящихъ подъ непосредственнымъ Ихъ Императорскихъ Величествъ покровительствомъ.

13-го декабря.

Переведенъ: почетный членъ керченскаго гор. попечительства дѣтскихъ пріютовъ, губ. сек. *Дегтяревъ*—почетнымъ членомъ тобольскаго губ. попечительства, съ 21-го марта 1886 года.

Опредѣленъ въ службу, немѣющій чина *Поликовъ*—почетнымъ членомъ таганрогскаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ, съ 17-го іюня 1886 года.

Одесса, 24-го декабря.

Проэктъ закона объ акціонерныхъ обществахъ.

Новое уложеніе проэктируетъ цѣлый рядъ карательныхъ мѣръ, направленныхъ противъ злоупотребленій акціонерныхъ компаній и ростовщиковъ. Мѣры эти являются отзвукомъ такого-же законодательнаго движенія въ западной Европѣ.

Быстрое развитіе желѣзнодорожнаго дѣла, цѣлый рядъ открытій въ области промышленнаго производства, завязавшіяся торговопромышленныя сношенія со всѣми концами земнаго шара—все это вызвало невѣроятную лихорадку дѣятельности въ торговыхъ сферахъ, сообщившуюся въ свою очередь слоямъ населенія, стоящихъ въ сторонѣ отъ торговаго движенія. Въ Германіи ко всѣмъ этимъ причинамъ присоединился еще приливъ громадныхъ капиталовъ въ видѣ пятимилліардной контрибуціи послѣ войны съ Франціей, и постройка обширной сѣти желѣзныхъ дорогъ съ стратегическою цѣлью. На этой шаткой почвѣ внезапнаго обогащенія, словно грибы день за днемъ вырастали акціонерныя общества и товарищества.

Устроить такое общество не стоило большихъ хлопотъ. Для этого достаточно было нѣсколькимъ рыцарямъ биржи собраться вмѣстѣ, сочинить уставъ, и общество было готово; предварительнаго разрѣшенія правительства на его открытіе не требовалось; конечно, въ большинствѣ случаевъ такія предпріятія оказывались дутыми и безкапитальными; съ цѣлью привлеченія довѣрчивой публики въ газетахъ печатались широковѣщательныя рекламы, и публика шла на удочку, несла въ кассы беззастѣнчивыхъ предпринимателей свои трудовые гроши.

Когда дѣло залѣзанія въ чужіе карманы на законномъ основаніи приходило къ благополучному концу, наступалъ крахъ. Гражданскій искъ къ учредителямъ оказывался безполезнымъ, такъ какъ забранныя деньги были заблаговременно пристроены къ надежнымъ рукамъ. Крахъ за крахомъ приняли, наконецъ, размѣры общественнаго бѣдствія, и правительства Европы нашли себя вынужденными поспѣшить на помощь беззащитнымъ жертвамъ наживы. Бельгія, Венгрія, Швейцарія и Италія, одна за другой, приступили къ реформѣ своихъ законодательствъ объ акціонерныхъ компаніяхъ. Германія, побуждаемая знаменитыми разоблаченіями депутата Аскера, издала въ 1884 г. обширный законъ по тому-же предмету.

Россія, страна по преимуществу земледѣльческая, и бѣдная капиталами, до крымской войны не знала бѣдствій, сопряженныхъ съ злоупотребленіемъ кредитомъ и торговопромышленными интересами. Крестьянская реформа, выбросившая на рынокъ выкупные капиталы на громадныя суммы, рядъ мѣръ, направленныхъ къ облегченію формальныхъ осложненій торговаго оборота, расширеніе желѣзнодорожной сѣти, возникновеніе цѣлаго ряда разнородныхъ кредитныхъ учрежденій—все это вызвало и у насъ акціонерную горячку. Послѣдствія не замедлили обнаружиться.

Цѣлый рядъ судебныхъ процессовъ разоблачилъ передъ нами мрачную картину законнаго обмана довѣрчивой публики. Были изданы правила, подчиняющія кредитныя учрежденія болѣе дѣйствительному контролю министерства финансовъ и акціонеровъ, умаляющія власть учредителей и членовъ правленія и устанавливающія право внезапныхъ ревизій. Къ сожалѣнію, всѣ эти дѣйствительно полезныя мѣры коснулись одного только вида акціонерныхъ предпріятій—кредитныхъ, обойдя всѣ остальныя.

Пробѣлъ этотъ пытается восполнить проэктъ новаго уложенія, охватывающій всѣ формы акціонерныхъ предпріятій. Но Уложеніе не можетъ исчерпать вопроса. Карательныя мѣры падаютъ только на лицъ, явно злоупотребляющихъ довѣріемъ общества и прибѣгающихъ къ незаконнымъ средствамъ. Но за этими проявленіями уголовной вины остается цѣлая масса погрѣшностей, неуловимыхъ для суда уголовнаго, но, тѣмъ не менѣе, весьма осязательныхъ для кармановъ публики.

Акціонерныя компаніи всей стороной своей дѣятельности обращены къ гражданскому праву, и на этой именно почвѣ должна по преимуществу строиться ихъ реформа. Но до появленія новаго Гражданскаго Уложенія далеко, а жизнь не терпитъ и интересы акціонеровъ настойчиво требуютъ защиты. Выдѣленіе вопроса объ акціонерныхъ обществахъ и облеченіе его въ форму самостоятельнаго законопроэкта слишкомъ необходимо, и Германія можетъ въ этомъ отношеніи служитъ для насъ поучительнымъ примѣромъ.

Сидѣть или стоять?

Извѣстно, что за силою 817 статьи устава гражд. судопроизводства объявленіе старшиною присяжныхъ засѣдателей постановленнаго ими рѣшенія всѣ находящіяся въ залѣ засѣданія лица выслушиваютъ стоя. На этомъ основаніи во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ Имперіи, при провозглашеніи такихъ рѣшеній, встаютъ со своихъ мѣстъ и судьи, составляющіе присутствіе даннаго засѣданія. Что-же касается резолюцій, объявляемыхъ предсѣдательствующими въ судебныхъ засѣданіяхъ по дѣламъ уголовнымъ, разсматриваемымъ безъ участія присяжныхъ, а равно и по дѣламъ гражданскимъ, то, благодаря отсутствію какихъ-либо постановленій въ этомъ отношеніи въ уставѣ уголовнаго и гражд. судопроизводствъ, а равно въ учрежденіи суд. установленій, относительно нихъ существуетъ самая разнообразная практика. Такъ, напр., въ нѣкоторыхъ судахъ при провозглашеніи вѣхъ резолюцій по существу дѣла, по дѣламъ какъ гражданскимъ, такъ и уголовнымъ, судьи всегда встаютъ, подобно всѣмъ посторонним лицамъ, находящимся въ залѣ засѣданія и только при объявленіи постановленій по разнымъ частнымъ вопросамъ, по которымъ не составляется особыхъ резолюцій на письмѣ, а которыя объявляются предсѣдательствующимъ на словахъ, съ занесеніемъ только содержанія ихъ въ протоколъ засѣданія—члены присутствія сидятъ на своихъ мѣстахъ. Между тѣмъ, въ другихъ судахъ (между прочимъ, во всѣхъ судахъ варшавскаго и харьковскаго судебныхъ округовъ) при провозглашеніи резолюцій по дѣламъ гражданскимъ, равно какъ по дѣламъ уголовнымъ, безъ участія присяжныхъ, судьи не встаютъ съ своихъ мѣстъ. Въ настоящее время «Нов.» слышали, что министерство юстиціи, имѣя въ виду, что обрядовая сторона судебнаго процесса не есть лишь одна форма, а заключаетъ въ себѣ извѣстное содержаніе по существу даннаго предмета и признавая необходимымъ устранить замѣченное на практикѣ разнообразіе въ порядкѣ дѣйствій суд. учрежденій по настоящему предмету, поставило вопросъ о порядкѣ объявленія судами резолюцій на разрѣшеніе и законное постановленіе общаго собранія кассац. департаментовъ правит. сената.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Болгарскія дѣла.

Изъ Софіи телеграфируютъ въ газ. «Justice»: «Сюда прибылъ полковникъ Каффарель, французскій военный атташе въ Константинополѣ. Онъ ѣдетъ въ Бухарестъ и Бѣлградъ съ важною миссіею—узнать въ точности, какое количество войскъ можетъ быть мобилизовано Румыніей, Сербіей и Болгаріей. Онъ имѣетъ также изучить естественныя оборонительныя средства, которыя содержатъ въ себѣ балканскія государства. Носится слухъ, что французское и русское правительства заключили между собою сдѣлку, въ силу которой Франція будетъ поддерживать Россію въ регулированіи болгарскаго вопроса, а Россія окажетъ свою поддержку Франціи въ Египтѣ. Поѣздка полковника Каффараля не чужда этому соглашенію, и полагаютъ, что она предпринята въ интересѣ Греціи. Во время своего пребыванія въ Константинополѣ, полковникъ Каффарель имѣлъ продолжительныя свиданія съ ген. Каульбарсомъ».

— Изъ Вѣны телеграфируютъ отъ 1 января въ «Нов. Вр.»: Сегодня, по случаю Новаго года, газеты въ очень миролюбивомъ настроеніи. Оффиціозные органы продолжаютъ увѣрять, что положеніе дѣлъ рѣшительно принимаетъ мирный оборотъ и съ полнымъ уваженіемъ отзываются о политикѣ Германіи и Россіи. По ихъ словамъ, кн. Бисмаркъ служитъ Россіи бескорыстнымъ посредникомъ въ ея сношеніяхъ съ Австріей; въ самые трудные моменты онъ всегда старается сгладить возникающія затрудненія дипломатическимъ путемъ. Оффиціозная «Presse» говоритъ, что болгарскому вопросу придали слишкомъ большое значеніе, но изъ за него споръ Россіи съ Австріей не дойдетъ до открытаго разрыва, до войны.

О восьмидесятилѣтнемъ юбилеѣ военной службы императора Вильгельма мы находимъ въ «Deut. Mont. Blatt» слѣдующія подробности. Утромъ, въ день новаго года, необозримая толпа народа окружала дворецъ. Когда въ открытой каретѣ, часовъ около 10, изъ дворца выѣхалъ престарѣлый монархъ, чтобы прослѣдовать въ церковь, толпа разразилась неумолкаемыми привѣтствіями. Къ 12 часамъ во дворцѣ начался парадный пріемъ. Сперва пріѣхали принцы, а за ними потянулась безконечная вереница каретъ генераловъ, министровъ, дипломатовъ, союзныхъ совѣтниковъ и дворцовыхъ чиновниковъ. Въ скромной каретѣ подъѣхалъ ко дворцу графъ Мольтке, встрѣченный толпою шумными оваціями. Германскій кронпринцъ, отъ лица всѣхъ командующихъ генераловъ германской арміи, обратился къ монарху съ слѣдующей рѣчью: «Всесвѣтлѣйшій могущественнѣйшій императоръ, всемилостивѣйшій монархъ, король и полководецъ! Вмѣстѣ съ вашимъ императорскимъ и королевскимъ величествомъ и армія вспоминаетъ сегодня тотъ день, когда ваше величество восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ были приняты въ ряды прусской арміи королемъ Фридрихомъ III. Многократно уже мнѣ приходилось предстать предъ нашимъ полководцемъ, чтобы отъ лица арміи благодарить его за блестящія къ побѣды, къ какимъ онъ насъ велъ. Сегодняшнее торжество представляетъ императору случай оглянуться на истекшія шестнадцать лѣтъ, которыя пользовались всѣми благами мира и были посвящены развитію и усиленію вновь возстановленной германской имперіи. Но эта мирная работа могла преуспѣвать лишь потому, что подъ умѣлымъ и неутомимымъ руководительствомъ императора, боевая готовность германской арміи могла быть доведена до того совершенства, которымъ гордится всякій германскій солдатъ. Прусскій принципъ, что никакой разницы между народомъ и арміею не существуетъ, потому что они образуютъ одно нераздѣльное цѣлое и готовы во всякое время къ защитѣ отечества,—сдѣлался, благодаря заботливости императора, общимъ достояніемъ всей націи. Эта боевая готовность всего народа является важнѣйшимъ залогомъ мира. Да позволено-же будетъ и мнѣ заявить сегодня, что нашъ боевой и объединенный народъ съ благодарною любовью и готовою на всякія жертвы вѣрностью преданъ своему императору и военному вождю и съ радостною увѣренностью взираетъ на него, какъ на охранителя мира, единодушно желая, чтобы Господь и впредь ниспосылалъ ему Свое благословеніе».

Императоръ благодарилъ въ сердечныхъ, прочувствованныхъ выраженіяхъ, напомнилъ о тяжкихъ временахъ поступленія его въ ряды арміи и сказалъ, что Провидѣнію угодно было, чтобы онъ дожилъ до болѣе счастливаго времени, благодаря успѣхамъ, одержаннымъ имъ вмѣстѣ съ арміей. За это императоръ выразилъ благодарность свою присутствовавшимъ представителямъ арміи. Вслѣдъ затѣмъ императоръ облобызалъ наслѣднаго принца, равно какъ фельдмаршала Мольтке, котораго онъ особенно благодарилъ за его безпримѣрныя заслуги.

Императоръ много разъ показывался вмѣстѣ съ своей супругой у окна и каждый разъ его встрѣчалъ народъ шумными привѣтствіями. Когда изъ дворца разъѣхались всѣ гости и тамъ наступила обычная тишина, народныя массы стали мало-по-малу расходиться по домамъ.

— Вѣнскій корреспондентъ «Journal des Débats» сообщаетъ слѣдующія извѣстія, полученныя имъ изъ Константинополя: «21-го декабря Рустемъ-паша прислалъ по телеграфу изъ Лондона сообщеніе о статьѣ «Morning Post», съ объясненіемъ, что, по его свѣдѣніямъ, статья эта составлена была сэромъ Друммондомъ Вольфомъ по внушенію маркиза Салисбюри. Въ статьѣ этой, какъ извѣстно, затрогивается личность самого султана, такъ какъ его обвиняютъ въ томъ, что онъ союзомъ съ Россіею губитъ Турцію, и угрожаютъ ему участью Абдулъ-Азиса. Рѣзкій тонъ статьи привелъ великаго визиря въ такое смущеніе, что онъ не рѣшился доложить о ней султану, въ виду извѣстной болѣзненной раздражительности послѣдняго. Наконецъ, по совѣту министровъ, онъ рѣшился на докладъ, и послѣдствіемъ было то, что султанъ заболѣлъ. Въ это время великому визирю случилось принять у себя наслѣдника турецкаго престола. Извѣстіе объ этомъ крайне раздражило и испугало султана, который усмотрѣлъ въ этомъ первый шагъ къ исполненію угрозъ Англіи; послѣдовала бурная сцена между султаномъ и вел. визиремъ, послѣ которой послѣдній слегъ въ постель, ожидая себѣ смертнаго приговора. Султанъ, повидимому, умственно пораженъ. Впрочемъ, онъ на-дняхъ принялъ въ прощальной аудіенціи французскаго посла, Монтебелло, который нѣсколько успокоилъ его завѣреніемъ, что онъ всегда можетъ разсчитывать на симпатіи и поддержку Франціи».

— Изъ Бреславля сообщаютъ отъ 1-го января: Снѣжныя мятели продолжаются, вслѣдствіе чего затруднительно движеніе почти на всѣхъ линіяхъ здѣшнихъ ж. д. Поѣзда сильно запаздываютъ. Снѣгъ продолжаетъ падать. По извѣстіямъ изъ Гиршберга (въ Силезіи), движеніе на нѣкоторыхъ тамошнихъ дорогахъ совершенно прекратилось вслѣдствіе обильныхъ снѣговъ. На другихъ—поѣзда двигаются только съ большимъ трудомъ и сильно запаздываютъ.

— Въ послѣднемъ номерѣ «Journal Officiel» опубликованъ декретъ «о командованіи крѣпостями». Всѣ укрѣпленныя мѣста Франціи раздѣлены на группы. Во главѣ каждой группы поставленъ одинъ генералъ, исполняющій обязанности военнаго губернатора, въ дѣлѣ обороны, въ главномъ пунктѣ группы и главнокомандующаго всѣми другими крѣпостями входящими въ составъ этой группы. Военные губернаторы снабжены властью корпуснаго командира; къ нимъ могутъ быть назначаемы помощники. Главнокомандующимъ парижской группой назначенъ дивизіонный генералъ Тибодеэъ; въ Лионѣ—генералъ Безіа и т. д. Новые военные губернаторы назначаются только въ видахъ военной обороны, каждой группы и организаціи этой обороны. Поэтому генералъ Соссье по прежнему остается на своемъ посту.

— Въ «Egyptian Gazette» помѣщено слѣдующее извѣстіе: «Мы узнали изъ довольно вѣрнаго источника, что въ случаѣ, если Турція или Франція будутъ продолжать настаивать на назначеніи срока для очищенія Египта, то быть можетъ будетъ найдено необходимымъ положить конецъ всякимъ препирательствамъ принятіемъ какихъ нибудь рѣшительныхъ мѣръ, какъ напримѣръ, объявленіе британскаго протектората надъ Египтомъ. Въ случаѣ, если правительство ея величества сочтетъ нужнымъ прибѣгнуть къ этой мѣрѣ, мы имѣемъ основаніе полагать, что Германія, Австро-Венгрія и Италія дадутъ на нее свое согласіе. Вѣроятно «Egyptian Gazette» принимаетъ свои желанія за дѣйствительность, замѣчаетъ «Gazette de France», и, кромѣ того, заявленіе это находится въ прямомъ противорѣчіи съ самыми торжественными обѣщаніями англійскихъ министровъ и англійскаго правительства. Правда, однако, что это еще далеко недостаточное основаніе для доказательства ложности вышеупомянутаго извѣстія».

Рабби чудесъ. Въ вѣнской корреспонденціи «Пет. Вѣд.» между прочимъ читаемъ: «Вѣнскіе еврейскіе кружки недавно проявили сильное волненіе по поводу цѣлаго событія въ такъ называемомъ восточномъ еврействѣ. Послѣдователи этой отрасли юдаизма понесли значительную потерю въ лицѣ скончавшагося недавно въ Буковинѣ «рабби чудесъ», безвыѣздно проживавшаго въ маленькомъ городкѣ Садагора. «Рабби чудесъ»—нѣчто въ родѣ еврейскаго папы, пользующагося среди своихъ единовѣрцевъ громаднымъ авторитетомъ, переходящимъ даже въ обожаніе. «Рабби чудесъ» имѣетъ въ этомъ ничтожномъ городкѣ великолѣпный дворецъ, который могъ бы служить блестящею резиденціею для любаго монарха. Зданіе это выстроено лучшими вѣнскими архитекторами и снаружи и внутри убрано съ чисто царскою роскошью. Проходя обширные апартаменты еврейскаго дворца, вы на каждомъ шагу встрѣчаете мраморъ, бронзу, фарфоровыя дорогія вазы, мозаичныя стѣны и потолки, массивные канделябры, люстры, портьеры. Самъ владѣлецъ дворца помѣщался въ особой таинственной части его, въ которую ведетъ обширная анфилада парадныхъ комнатъ, съ стоящими у стѣнъ гайдуками, слугами, солдатами. Говорятъ, что весь штатъ «рабби чудесъ» превышалъ восемьсотъ человѣкъ. Чтобы увидѣть рабби и получить отъ него совѣтъ и благословеніе, нужно было пройти черезъ цѣлый рядъ испытаній, въ особенности для бѣднаго еврея, который, уплативъ въ пользу самаго рабби флориновъ, долженъ былъ еще давать взятки и секретарямъ его, которые иначе и недопустили бы бѣдняка до рабби. Этотъ послѣдній принималъ своихъ единовѣрцевъ, сидя на великолѣпномъ золотомъ тронѣ, усыпанномъ драгоцѣнными камнями. Въ дни еврейскихъ праздниковъ Садагора наполнялась тысячами еврейскихъ пилигриммовъ, собирающихся со всѣхъ концовъ Австріи и даже Россіи, чтобы взглянуть на «приближеннаго Іеговы, сообщающаго ему свои откровенія». Евреи фанастически вѣрятъ всякому слову «рабби чудесъ», и ради одного благословенія, иногда недѣлями ловили случай лицезрѣть своего верховнаго учителя, который изъ лентъ своихъ единоплеменниковъ создалъ себѣ колоссальное богатство, выстроилъ пышный дворецъ и время отъ времени устраивалъ царскіе банкеты въ честь оффиціальныхъ властей города. Какъ уже сказано, недавно «рабби чудесъ» скончался. Послѣ него остались двое сыновей, отецъ которыхъ, по причинѣ внезапно постигшей его смерти, не успѣлъ сдѣлать завѣщанія, кого онъ назначаетъ послѣ себя «рабби чудесъ». Между братьями произошелъ крупный споръ, участіе въ которомъ принялъ весь придворный штатъ. Наконецъ, братья уговорились такъ, что собственно «рабби чудесъ» сдѣлается младшій изъ нихъ, который обязанъ за это платить старшему брату 60,000 гульденовъ въ годъ; въ свою очередь, старшій братъ обязуется дать подписку, что съ полученіемъ этого мѣста младшимъ братомъ, онъ прекращаетъ всякія притязанія на тронъ и поселяется вдали отъ Садагоры не менѣе какъ на полтораста миль. Такимъ образомъ, споръ о престолонаслѣдіи разрѣшился благополучно и Садагора вновь имѣетъ «рабби чудесъ», въ лицѣ совсѣмъ еще молодаго юноши.

Лекція о счастливой человѣческой жизни. Сэръ Джонъ Леббокъ прочиталъ недавно въ Престонѣ лекцію объ этомъ предметѣ и развивалъ въ ней ту мысль, что на человѣкѣ лежитъ, такъ сказать, обязанность быть счастливымъ и счастливить всѣхъ его окружающихъ. «Тайна счастья, сказалъ онъ,—заключается въ хорошемъ исполненіи своего долга, какъ-бы онъ ни былъ, и этого, по словамъ Плинія, можно достигнуть лишь умѣнемъ нетати развлекаться и поддерживать въ себѣ веселое расположеніе духа». Главное затрудненіе, по мнѣнію лектора, заключается не столько въ пріисканіи удовольствій, сколько въ умѣніи сопротивляться приступамъ горя и заботъ. Въ числѣ послѣднихъ, конечно, много непредотвратимыхъ, но многія изъ нихъ устранимы при нѣкоторой заботливости разсудительнаго человѣка о своей особѣ. Сюда относится, напримѣръ, строгое соблюденіе гигіеническихъ правилъ. Источникомъ печали и дурнаго настроенія духа часто бываютъ болѣзни. Между тѣмъ, человѣкъ гораздо чаще самъ накликаетъ ихъ на себя, чѣмъ оберегаетъ себя отъ нихъ правильнымъ образомъ жизни. Симонитъ слѣдующимъ образомъ классифицировалъ прелести человѣческой жизни: прежде всего здоровье; во вторыхъ, физическая красота; въ третьихъ, хорошо нажитое богатство, и въ четвертыхъ, удовольствіе въ обществѣ испытанныхъ друзей. По поводу болѣзней всякаго рода, которымъ подвергаются люди, лекторъ напомнилъ старую поговорку гласящую, что тотъ, кто въ сорокъ лѣтъ не дуракъ, долженъ быть болѣе или менѣе врачемъ. Къ несчастью, въ эти годы большинство людей не врачи, а больные, тогда какъ избѣгнуть этого можно весьма простыми способами: стоитъ только придерживаться правильныхъ привычекъ, почаще гулять, соблюдать чистоту и опрятность, заботиться о хорошемъ питаніи и умѣренно ѣсть и пить. Человѣческому счастью способствуетъ также, по мнѣнію Леббока, разумный выборъ книгъ, который пишетъ не долженъ зависить отъ случайности, потому что книга—другъ человѣка, а тотъ, кто не умѣетъ выбирать себѣ друзей, черезъ это самъ себя унижаетъ.

Вино британскаго лорда. Въ Маунтъ-Стьюартѣ, родовомъ помѣстьи вице-короля Ирландіи, лорда Лондондерри, непонятнымъ образомъ разломаны погреба и изъ нихъ украдено сто тридцать корзинъ съ виномъ. Лордъ Лондондерри напечаталъ въ англійскихъ газетахъ слѣдующее: «Нечего и говорить, что господа похитители и укрыватели моего вина знаютъ его цѣнность. Эти вина подарены были моему дому царствующими особами и достойны того, чтобы ихъ пили императоры и короли. Поэтому я предлагаю гг. ворамъ прислать мнѣ довѣренное лицо; я даю честное слово, что человѣкъ этотъ не будетъ наказанъ, и обязуюсь заплатить ему, не разбирая качества вина, за каждую возвращенную бутылку съ несломанною печатью, по одной гинѣе чистоганомъ. Почему-же я не воспользуюсь подобнымъ преимуществомъ передъ другими, коль-скоро мое вино поступитъ въ продажу»?

Сила бифштекса.—Въ Бостонѣ былъ недавно, какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, курьезный случай. Лэди Тюрлинъ устроила вечеръ, на которомъ присутствовалъ и англійскій милліонеръ Тейлоръ. За ужиномъ поданы были, между прочимъ, бифштексы, отъ которыхъ Тейлоръ пришелъ въ такой восторгъ, что спросилъ хозяйку, кто ихъ такъ чудесно изготовилъ. Лэди Тюрлинъ равнодушно отвѣтила: «Моя кухарки Анна,—славная дѣвушка, которая служитъ у насъ уже три года». Милліонеръ ни слова больше не сказалъ, но на другой день во фракѣ пріѣхалъ къ лорду Тюрлину, съ просьбою просвататъ за него кухарку. Изумленный лордъ позвонилъ, и когда кухарка вошла въ комнату въ кокетливомъ бѣломъ чепчикѣ, сказалъ ей: «У пріятеля моего Тейлора состояніе въ 150 тысячъ фунтовъ стерлинговъ; если вы обѣщаетесь пожизненно готовить ему бифштексы, то онъ на васъ женится». Кухаркѣ это предложеніе пришлось, конечно, по сердцу, и нѣсколько дней спустя ея повѣнчали съ милліонеромъ.

Вліяніе музыкальнаго такта на поступательное движеніе человѣка. Г. Марэй, членъ парижской академіи наукъ, давно уже занимается спеціальнымъ изслѣдованіемъ шага и бѣга, съ точки зрѣнія чисто механической. Онъ нашелъ, что когда человѣкъ идетъ подъ тактъ извѣстной музыки, то протяженіе его шага возрастаетъ значительно и доходитъ до максимума, равнаго 75 полнымъ шагамъ въ минуту. При ускореніи такта, протяженіе шага сокращается. Скорость возрастанія шага увеличивается вмѣстѣ съ увеличеніемъ такта до максимума, равнаго 85 шагамъ въ минуту; скорость уменьшается, если и по достиженіи этого максимума музыка еще ускоряется. Въ бѣгѣ, напротивъ того, протяженіе шага возрастаетъ по мѣрѣ ускоренія такта; что же касается быстроты движенія, то она возрастаетъ неопредѣленно вмѣстѣ съ увеличеніемъ быстроты такта и достигаетъ почти 10 метровъ въ секунду. Вообще изслѣдованія ночтенаго академика вполнѣ подтверждаютъ то, что звуки барабана и военной музыки оказываютъ самое существенное вліяніе на передвиженіе войскъ; въ концѣ концовъ г. Марэй можетъ быть удастся хотя приблизительно опредѣлить тотъ музыкальный тактъ, который можетъ наилучшимъ образомъ вліять на шагъ солдата.

Упраздненіе телеграфистокъ въ Италіи. По пред